

Абдухаким ФАЗЫЛОВ

УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО

День тот с самого утра показался мне необычным. Проснулся я с удивительно легким чувством на душе. Вообще-то хорошее настроение само по себе еще ни о чем таком странном не говорит. Ведь сколько людей каждый день просыпаются в подобном состоянии. Но дело в том, что я-то никак не мог рассчитывать на такое пробуждение. Оно никоим образом не вписывалось в рамки душевного состояния, ставшего привычным в последние месяцы. И уж совсем ни в какие ворота не лезла мысль: сегодня должно случиться что-то хорошее. «Должен же когда-нибудь наступить конец всему этому безобразию»,— шептал мне вкрадчивый голос...

Но меня на подобные фокусы уже не купишь. Я-то давно понял, что конец таким безобразиям не приходит просто так, вдруг. В самом деле, не может ведь быть, чтобы вдруг вызвали меня в дирекцию, или, скажем, специально созвав заседание Ученого совета, публично заявили: мы ошиблись, виноваты, тема твоя актуальная, по крайней мере не менее, чем наши, иди, продолжай работать, мы больше не будем ее закрывать. Нет, не может быть! Хотя бы потому, что столько умственной энергии потратили они, чтобы «юридически» и «научно» обосновать каждый свой шаг. Так с чего им вдруг идти на попятную перед таким растяпой, каким я, наверное, предстаю перед их взорами! Тем более, когда почти все, что ими задумано, уже благополучно воплощено в жизнь.

Эти трезвые рассуждения очень быстро вернули мне привычное подавленно-мрачное настроение. И по инерции этих безрадостных дней я с утра напрямиком направился в свое убежище—библиотеку. Деваться больше было некуда — везде я чувствовал себя чужим, посторонним. Таким хроническим ощущением я был обязан паразитическому чутью той части публики, которая существует как обязательная субстанция в организациях типа нашей, мгновенно реагируя на то, кто в данный момент «в струе», а кто «в опале», создает и надежно поддерживает вокруг него либо ореол славы, либо холодный вакуум.

В библиотеке же, углубившись в потрепанные недра старых журналов времен романтической эпохи революционных переворотов в

науке микромира, я пытался уйти от суеты будней. И сегодня, еще раз выдержав полупрезрительный взгляд красотки библиотечарши (действительно, с какой стати ей тратить свое драгоценное время на меня, конченого человека?), я с кипой пожелтевших от времени «Успехов химии» направился в свой излюбленный дальний угол читального зала. Через минуту меня уже захватили идеи, еретический квантовый дух которых с грохотом сокрушал тысячелетние устои классической химии.

Так обычно я некоторое время блаженно парил в этой атмосфере, пока какой-нибудь случайный фактор не возвращал меня в реальную среду моих «успехов» в институте...

Вначале все это кошмарное наваждение я принимал за обычную полосу неудач. Действительно, покажите мне человека, который не испытывает время от времени отрезвляющего действия этих «полос». Они ведь, как некая профилактическая процедура, сбивают с нас спесь и гордыню, которыми мы периодически обрастаем, как полировка пылью, когда дела наши идут более или менее успешно. Справедливости ради надо признать, что часто наш брат сознательно или несознательно маскирует под этим понятием цепь своих собственных глупостей, промашек. Вот и я считал так — месяц, два, три. Но на четвертый до меня, наконец, начало кое-что доходить...

Меня почему-то начали оттирать от науки! Вначале незаметно, исподтишка, потом все откровеннее, но при этом внешне почти безукоризненно. Поначалу я это связывал с моими недавними провалами в экспериментах по подбору катализаторов для последнего цикла реакции. Эти неудачи я со временем преодолел, но организационные неприятности тем не менее продолжали прогрессировать. Под различными благовидными предложениями мне отказывали в штатных единицах, оборудовании, в рабочих площадях, вообще в любом начинании. Я метался, как раненый зверь, ничего не понимая в происходящем. Хорошо, пришли на помощь умные люди. Они и растолковали мне что к чему.

Дурак ты, говорили они, неужели не видишь, что дело не в твоих временных неудачах, у кого их нет, разве у тех, кто просто ничего не делает. Все дело в том, что ты давно уже сидишь у руководства в печенках. Спрашиваешь, почему? Да потому, что никак не хочешь вписываться в общую схему, предначертанную ими. Все порываешься двигаться своим путем. Наше руководство считает, что если в науке и

надо что-либо планировать, так это очередность представления «самым заслуживающим» возможности делать диссертации. Естественно, это у них называется «правильным и планомерным воспитанием научных кадров». А ты что делаешь? Решил, раз ты научный сотрудник, тебе без всяких предварительных заслуг положено заниматься наукой?! Так ты, чего доброго, можешь невзначай сделать хорошую работу; хуже того, можешь без очереди, без соответствующего на то благоволения и защититься. Этим ты отнимешь душевный покой у прилежных очередников, а руководство лишишь такого мощного рычага власти, как возможность по своему усмотрению управлять карьерой сотрудников. Надо отдать должное, начальство довольно тактично предупредило тебя об этом, устроив несколько первых неприятностей. А ты счел, что это полоса невезений, и пуще прежнего начал усердствовать! Поняв, что твоя бестолковость совершенно безнадежна, руководство, ясное дело, решило полностью нейтрализовать тебя, что ты и имеешь на сегодняшний день. Спрашиваешь, как тебе теперь быть? Уйти из института, если не хочешь, чтобы уволили по какой-либо причине. А причину найдут. Хотя бы «ввиду полной безрезультатности», которую ты обнаружишь через год при таком развитии событий. Спрашиваешь, куда уйти? Конечно, в вуз. Сейчас все «неудачники» в науке бегут именно туда. Что? Педагогический талант? Да не смей ты людей. В анкете, которую тебе дадут заполнять, нет такой графы.

Поняв свою беспомощность в борьбе за существование в институте, я подал документы на конкурс сразу в несколько вузов и в ожидании проводил свои безотрадные дни в библиотеке...

После меланхолического застоя, во власти этих невеселых мыслей, я с трудом вернул себя к уравнениям квантовой химии. Статья, написанная, видимо, молодым и напористым автором, заканчивалась на середине странички хлесткими фразами, звучащими как реквием-приговор добываемой тогда классической теории.

А ниже, с пустой половины странички, на меня издевательски косился синий чертик — шайтан, нарисованный бытовавшей еще в те годы чернильной авторучкой. Рисунок был удивительно живым и, казалось, представлял собой портрет автора «еретических» формул. Издевательская физиономия шайтана опять возвратила меня в суровую действительность. Уставившись на него, я начал погружаться в нерадостные мысли...

И вдруг — о ужас! — длинный хвост шайтана, тянувшийся до правого нижнего угла страницы, слегка дрогнул и пришел в движение, негустая синяя шерсть на кончике распушилась. Потом встряхнулось тело и наконец ожило лицо, повторяя точь-в-точь заискивающестьливую улыбку нашего доктора наук Эшанходжаева, которую тот демонстрировал каждый раз, слушая очередную околесицу директора... Какой-то кошмар мультипликационный!

Я в ужасе закрыл «Успехи химии». Что делать? Бросить журнал и бежать отсюда? Иначе, видать, дождусь, что однажды меня прямо из этих проклятых стен повезут в психиатрическую больницу. Нет для меня спокойной жизни в этом институте, даже в библиотеке.

«Постой,— остановил я себя, уже вставая,— не спеши. Давай разберемся с шайтаном. Был он все-таки или мне померещилось?» — во мне опять заговорил прямолинейный дух естествоиспытателя, пытающегося объяснить происходящее в рамках формальной научной логики.

С журналом в руках я вышел из приятной прохлады читального зала в сорокаградусный зной институтского двора. Гнетущий туман, обволакивавший мое сознание в читальном зале, моментально рассеялся под жестокими лучами летнего солнца. Медленно шагая по раскаленному асфальту унылого двора, я осторожно открыл 21 страницу. Чертик улыбался. Как только я развернул журнал, он тут же правой рукой сделал движение, рассчитанное на то, чтобы прикрыть глаза от прямых лучей солнца, а левой он сделал жест, явно адресованный мне. Ну нет! На сегодня с меня хватит! Только не хватало останавливать сотрудников и просить объяснить — живой это рисунок или мне мерещится...

Часов в десять вечера, немного отойдя от потрясения, дома, в своей маленькой комнате, при тусклом свете настольной лампы я опять раскрыл 21 страницу «Успехов химии». Чертик тотчас подмигнул мне. Этого мало — раздался тонкий насмешливый голос:

— Хватит прятаться, я же хочу помочь тебе. Я в курсе твоих «колоссальных успехов» в институте,— растягивая слово «колоссальных», он буквально растаял от блаженства. Потом, усмехнувшись, добавил: — Это ведь все наши козни.

Тут я, невольно вовлекаясь в какую-то нелепую игру, как человек, которого вдруг осенило после долгих мучительных догадок о причине своих бед, набросился на него.

— И после всего этого ты явился сюда поглумиться над своей жертвой? Вот сожгу сейчас эту библиографическую редкость вместе с тобой. Пусть потом увольняют из института по самой суровой статье!

Шайтан переменился в лице, но все же довольно независимым тоном сказал:

— Не кипятись, будь мужчиной, я уже ушел из группы, где занимаются твоим делом. Я тоже, как и ты, не в ладах с начальством. Видишь ли, оказывается, им не по душе мои выдумки, по вашему — идеи.

— Какие еще идеи? Что ты морочишь мне голову?

Шайтан опустил глаза.

— Ты должен меня понять. Недавно я предложил план парочки изящных заварух, которые завершили бы твое дело в ближайшее время. Ну... чтобы ты тоже, наконец, начал мешать другим, стал бы переходить им дорогу, вставляя палки в колеса, пускать пыль в глаза и так далее. Сам понимаешь, чтобы все это освоить, ты должен был на себе испытать подобные штуки от других. В общем, ты был уже почти готов. Еще парочка оплеух, и ты, окончательно созрев, начал бы действовать самостоятельно...

— Ты еще пытаешься вести со мной какие-то переговоры?.. Кто мне вернет прошедший год? Эти бездарно и бестолково прожитые дни? За это время я не сделал ничего полезного, а если и научился чему-нибудь, то лишь изворотливости да подозрительности.

— Ты пойми... Это моя работа. Против тебя лично я ничего не имел,— прервал меня шайтан.— Теперь я буду помогать тебе.

— Будешь помогать? Рассказывай кому-нибудь другому. Скорее всего, задумал очередную хитрость? Еще не было, чтобы кто-нибудь из вашего племени изменял своим.

— Видишь ли, меня здорово обидели... Бесцеремонно, в самом корне зарубили мои лучшие идеи. Я их долго вынашивал, можно сказать, всю душу вложил. А на последнем заседании Малого Совета, где в числе других дел рассматривались мои предложения насчет очередных «ходов», посылаемых на твою бедную голову, начальство вдруг заявило, что боссы твоего института и без того кровно заинтересованы в этом деле и так усердствуют для его успешного завершения, что в дальнейший ход

событий лучше не вмешиваться, дабы не испортить им чего-либо. Наоборот, мне было предписано внимательно наблюдать за приемами

твоего Алима Акрамовича и его свиты, так как якобы у них есть чему поучиться. Это они, твои боссы, подпортили мне карьеру. Проведи я эти идеи в жизнь — мог бы спокойно баллотироваться на выборах в Большой Совет...

— А что было бы со мной? — зло спросил я.

— С тобой, с тобой...— его лицо медленно расплылось в блаженной улыбке, но он тут же взял себя в руки.— Позволь не отвечать на этот вопрос. Ты же видишь, я сам хожу в пострадавших. Меня так обидели, что никого из своих видеть не хочу. Хорошо, что кто-то нарисовал эту оболочку. Она пришлась мне как раз впору. Короче, я убежал от своих...

Мне вдруг стало жаль шайтана. Я почувствовал, что нас многое объединяет — в первую очередь общие неприятности.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Позволь находиться при тебе. Я могу пригодиться,— быстро ответил он.

— В чем?

— Буду помогать тебе в твоей борьбе.

— Но я не собираюсь, да и не знаю, как надо бороться. Мне не одолеть мое руководство. Они ведь профессионалы. А ваши козни еще не подняли меня до «уровня», чтобы отвечать им их же оружием.

— Я буду делать только то, что ты пожелаешь. Мы будем мстить,— с готовностью ответил шайтан.

V — Нет уж, занимайся своими темными делишками сам, а меня оставь в покое. При твоих возможностях такой компаньон, как я, нужен тебе, как собаке пятая нога,— немного подумав, ответил я.

— Понимаешь, я хотел, чтобы эти деятели из твоего института были наказаны именно твоими руками. Только так можно добиться настоящего возмездия. У вас же зачастую все происходит наоборот — злодеи терроризируют одних, а запоздалую расплату за это несут, как правило, перед другими, и тогда, когда эта расплата никого не трогает. При этом возмездие, согласись, обезличивается. Оно воспринимается чуть ли не как велико- мученичество и иногда даже возвеличивает наказанного в глазах несведущего окружения.

Мне эта философия понравилась, но тут же змейкой мелькнула темная мысль.

— погоди. Допустим, накажешь ты моих гонителей. А что потом? Я ведь знаю, как поступали в таких случаях твои коллеги...

— Ну что ты,— перебил меня шайтан,— в душах у меня недостатка нет. Для душ же твоих гонителей у меня давно готовы самые комфортабельные места.

Так я связался с могущественным единомышленником и решился на борьбу, о которой вчера еще и не помышлял. Мы договорились, что впредь шайтана я буду носить в нагрудном кармане, вырвав страничку с рисунком — ясно, не сам додумался до такой «крамолы». Опасаясь, как бы не вышло чего-нибудь непредвиденного (рискованных ситуаций я избегал), жестко ограничил сферу и характер действий шайтана. А сигналом для его вступления в игру будет поглаживание сложенной вчетверо странички.

Как я начал догадываться в последнее время, козырным оружием моих «друзей» был непринужденный артистизм. Они с удивительно невинным или по-деловому озабоченным выражением лица и соответствующим тоном говорят совершенно противоположное тому, что у них в это время на уме. А их действительные помыслы претворяются в жизнь совершенно негласно, застигнув врасплох окружающих, притом именно тогда, когда эти бедолаги либо уже не успеют, либо не смогут предпринять что-нибудь в ответ.

Бывало, директор Алим Акрамович или его правая рука — зам по науке Расул Сагдуллаевич, замыслив очередную операцию, ее исполнение «в знак особого доверия» поручали ничего не подозревавшему подчиненному, а иногда как бы для забавы и самой намеченной жертве, тот, как и было задумано, не только не подозревал ничего плохого — наоборот, с пылом ревностного исполнителя бросался в бой, будучи опьяненным подобным высоким доверием. Потом, когда дело сделано и, как говорят, поезд ушел, ходи и доказывай, что ты оказался слепым орудием в руках у нечестных людей. Никто не поможет. Ведь все же было в рамках закона и, естественно, «правил игры»!

Вот мы с шайтаном и договорились, что борьбу начнем с убийственных разоблачений. В нужный момент по моему знаку он проникает прямо в недра мозга одного из моих «доброжелателей» или его подхалимов (шайтану это, оказывается, ничего не стоит) и заставит его говорить то, что на уме. Вот будет потеха!

Первым, кого я встретил на следующее утро в институте, оказался многострадальный Рустам. С ним наши «дружья» расправились чуточку раньше, чем со мной, но, надо отдать должное, довольно оригинальным

способом (в фантазии им не откажешь). Дело в том, что Рустам имел несчастье специализироваться в той же области химии, где большими кусками добывали свой хлеб «Правая рука» — Расул Сагдуллаевич и его друг Буз-рукходжа Саидходжаевич — заведующий одной из лабораторий — человек, у которого коварство, казалось, выплескивалось через край при каждом шаге его качающейся походки. Но хуже всего было то, что бедный Рустам, на свою голову, разбирался в химии катализа раз в десять лучше, чем упомянутые корифеи, и своим существованием отравлял им жизнь. Тучи над его головой начали сгущаться два года назад, когда этот простофиля разбомбил очередной наукообразный доклад корифеев. В тот же день, прямо на том же семинаре, они объединились против него.

«Незаслуженно обиженные» некоторое время не могли подловить Рустама, чтобы проучить его, пока однажды этот неискушенный, как обычно бывает, сам не дал отличный повод для расправы. Желая расширить фронт своих исследований, он между делом начал заниматься чисто технической проблемой — определением количества влаги в волокнах хлопка. Казалось бы, чего еще ждать лучшего от научного сотрудника, решившего обеспечить свои теоретические исследования прикладной целью. Надо дать ему эту возможность — пусть разворачивается! А вот и нет. В любом деле сперва надо разобраться что к чему. «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич разобрались и тут же пришли к выводу, что это как раз тот случай, которого они ждали. Дальше все разворачивалось довольно быстро. Втолковать Алимю Акрамовичу, что общеинститутские интересы требуют освободить Рустама от всех других дел, чтобы он в полную силу занимался «важной народнохозяйственной проблемой», было делом пустяковым. Тем более, что при этом понятливый Алим Акрамович отчетливо уловил нотки личной заинтересованности наушничавших. В любом деле он в первую очередь искал эту пресловутую личную заинтересованность, будучи искренне убежденным, что она и есть единственный фактор, движущий всякое дело. И вот обалдевшему от такого поворота дел Рустаму в издевательско-торжественной обстановке было поручено «почетное задание» в качестве основной его темы в институте. А со следующего дня началась предусмотренная заранее процедура «освобождения» его от науки — проще говоря, у Рустама начали отбирать уникальные приборы (мол, для использования их в лабораториях, где «действительно занимаются

катализом»), затем сотрудников (естественно, «в общеинститутских интересах»), а под конец и лабораторные помещения.

Обобранный догола, отстраненный от привычных дел и на всякий случай несколько раз публично скомпрометированный, Рустам ходил потерянный, с видом изрядно побитой дворняги. Через некоторое время Рустам смирился со своей участью и, со свойственной ему серьезностью, взялся за проблему измерения влажности хлопкового волокна. Вскоре по институту пополз слух, что его потрепанная группа делает успехи! Там сконструировали остроумный прибор для экспресс-анализа, который пункты приема хлопка-сырца начали вырывать у него с руками. И тогда «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич, временно оставившие Рустама без «присмотра», опять зашевелились. Как же так: кто-то в институте напал на золотую жилу, а они, можно сказать, хозяева института, от которых все и должно исходить, оказываются в стороне!

И вот реакция тандема корифеев на успехи Рустама — многострадальный уже две недели не может получить визу директора на статью, где авторами значился он сам и никому не известные лаборанты. «Правая рука» намекнул на малочисленность авторов. Простак Рустам не нашел ничего лучшего, как заявить, что больше никто не работал и не участвовал. Пришлось в открытую втолковать, чего от него хотят, естественно, при закрытых дверях. Непонятливость Рустама неожиданно превратилась, как с огорчением жаловался потом «Правая рука», в ослиное упрямство. На этот раз Рустам действительно решил не сдаваться и заявил, что пожалуется директору.

«Надо же быть таким идиотом,— думал уставший от препирательств «Правая рука»,— Неужели непонятно, по чьей установке я действую?..»

Так вот, с утра попался мне уныло бредущий по коридору Рустам.

— Как дела? — спросил я у него.

— Не визируют,— тихо проговорил Рустам, рассеянно проходя мимо.

Я его остановил.

— У шефа был?

— Был. Не стал даже вникать. Сказал, пусть Расул Сагдуллаевич решает этот вопрос сам,— упавшим голосом сказал Рустам.

Понятно. Пусть «Правая рука» заставит Рустама записать в соавторы его и Бузрукходжу Саидходжаевича и, если сможет, также и

его, а директор как будто и не имеет к этому грязному делу никакого отношения, в случае чего можно будет даже возмутиться «этим безобразием». А если не сможет, то это минус в активе «Правой руки». Факт наличия таких минусов у подчиненных шеф оценивал весьма высоко. Это ведь те прелестные педали, нажимая на которые в нужные моменты, можно эффективно управлять людьми. Прекрасно понимающий подобные тонкости, «Правая рука» только через свой труп пропустит статью Рустама. Круг, таким образом, замкнулся. Рустам будет ходить по нему до тех пор, пока не сдастся и не сделает все, чего пожелают.

И меня осенило...

Сегодня у директора назначено собрание для обсуждения хода выполнения хоздоговорных работ. Возможно, там Рустам попытается как-то поднять вопрос о своей незавизированной статье...

* * *

Просторный кабинет директора. Длинный стол заседаний, во главе которого сам Алим Акрамович, изобразив на лице привычное озабоченно-деловое выражение. Не прерывая собрания, он то и дело вызывал к себе главного инженера, водителя служебной «Волги» или кого-нибудь из других своих приближенных и с не менее серьезным и озабоченным видом на специальном, понятном только вызываемому языке давал какие-то указания. Все, конечно, догадывались, что главному инженеру поручено немедленно наладить ремонт протекающего со вчерашнего дня водопроводного крана в его квартире, а водитель «Волги» должен отвезти его жену в гости, куда сразу же после совещания отправится и сам Алим Акрамович. Временами директор прерывал докладчика и переспрашивал какой-нибудь случайный момент, чтобы подчеркнуть: он все слушает и понимает.

После каждого сообщения Алим Акрамович весьма туманно формулировал оценку качества и темпов выполнения работ. Присутствующие с преданным вниманием слушали его. А наиболее смелые приближенные, вроде «Правой руки» и доктора наук Эшанходжаева, осмеливались даже высказать свое мнение, которое в основном сводилось к подсказыванию шефу наиболее удачных фраз, «работающих» на его сиюминутное настроение и замыслы. Ну, а если кто-то решался на выступление, то должен был умудриться построить

его, перефразируя околесицу шефа — притом из расчета не менее двух ссылок на его имя в одном предложении.

Не дай бог, если Алим Акрамович начинал ругать кого-нибудь по известному только ему соображению. Тогда критикуемый, даже при явной необоснованности нападок, мог рассчитывать, в лучшем случае, на холодное молчание сидящих, в худшем — на дружное или даже яростное нападение тех, кому сегодняшняя «политическая ситуация» предписывала лишний раз блеснуть перед шефом. А в таких ситуациях никогда не бывает недостатка.

Рустам коротко и лаконично описал состояние своих работ. Успехи были налицо. Но присутствующие с трудно скрываемым любопытством молчали, не зная, в какую форму выльется реакция шефа. Ко всеобщему удивлению директор начал снисходительно хвалить Рустама. В частности, он заметил, что Рустам вначале не хотел браться за работу, якобы предложенную институтом, все хотел копаться в своей малоактуальной химии катализа, а теперь, как видите, образумился и делает успехи. При этом шеф не забыл несколько раз подчеркнуть, что он-де уже тогда предвидел их. Все кивали, и даже послышалось несколько робких реплик в пользу Рустама. Под конец, расчувствовавшись от своих же слов, директор спросил, не нужна ли Рустаму помощь. Тот решил воспользоваться неожиданной благосклонностью.

— Алим Акрамович, по результатам этой работы написана статья,— Рустам остановился в затруднении, было видно, что он подбирает выражения помягче, дабы не слишком раздражать своих «друзей»,— но по какому- то недоразумению ее не визируют,— с досадой добавил он.

Алим Акрамович помрачнел. Все видели, что жалоба даже в таком смягченном виде ему не понравилась. Рустам тоже увидел это и побледнел. Но было поздно.

Алиму Акрамовичу надо было перед публикой хотя бы для вида решить вопрос. Ничего, это он умел делать мастерски.

— Расул Сагдуллаевич, в чем дело? — спросил он, повернувшись в сторону «Правой руки», словно впервые слышал о «недоразумении».

Тот поднялся с надменной ухмылкой. Естественно, ответ у него, как всегда, был готов — там наверняка фигурировали такие обороты, как «общеинститутские интересы», «обратная сторона медали», «для пользы дела» и тому подобное. Вот сейчас над Рустамом засвистит кнут

— после директорского-то пряника!..

Ну нет, решил я, пора пускать шайтана в дело, и слегка погладил сложенный листок, не спуская глаз со своей жертвы. И сразу же заметил, как, уже открывая рот для ответа, он вмиг переменялся в лице. Надменная улыбка исчезла, глаза стали недоуменно-злыми.

— Алим Акрамович, вы же сами понимаете, из стен института не каждый день выходит такая работа. А этот,— «Правая рука» просверлил взглядом Рустама,— возомнил, будто он один является ее автором.— Мы-то ладно,— «Правая рука» кивнул в сторону Бузрукходжи Саидходжаевича,— но он даже вас не вписал в соавторы. Вот я и держу статью, надеюсь, рано или поздно до него дойдет, чего от него хотят.

Наступила зловещая тишина. Рустам, не ожидавший такого оборота событий, не решался даже согнать одинокую муху, севшую на его поразительно побелевший нос. Директор обалдело уставился на Расула Сагдуллаевича. Через некоторое время, с трудом овладев собой, он неуклюже сыграл роль человека, просто не уловившего суть ответа.

— Расул, я тебя не понял. О чем ты говоришь?

— Алим Акрамович, почему вы сразу уходите в кусты, ведь понимаете, о чем речь? Я вполне с вами согласен — приятно оказаться автором интересной работы, к которой, между нами говоря, никакого отношения не имеешь. Но почему всю грязную сторону этого предприятия должен тянуть только один я? Вместо того, чтобы переспрашивать меня, отругайте этого нахала, пусть впишет наши фа...

«Правая рука» не успел закончить, кабинет сотрясся от рева директора.

— Что ты мелешь?! — Алим Акрамович вдруг осекся, с опаской быстро прошелся взглядом по лицам застывших людей и зло кивнул «Правой руке»: — Садись, я с тобой потом поговорю.

Расул Сагдуллаевич сел с обиженным видом.

Директор перевел налившиеся кровью глаза на Рустама:

— Давай сюда свою стряпню.

Тот дрожащей рукой вытащил из папки рукописи и положил перед директором. Алим Акрамович тут же поставил на них размашистую визу и швырнул статью растерявшемуся автору.

Тяжелую тишину кабинета нарушил легкий нарочитый кашель, затем раздался заискивающий голос доктора наук Эшанходжаева. Поблескивая очками то в сторону шефа, то в сторону публики (таким

образом он следил за реакцией нужных людей и с ходу корректировал свое выступление), Эшанходжаев начал говорить, по своему обыкновению растягивая некоторые слова, чтобы придать им особый вес.

— Я как член Ученого совета считаю, что па плечи именно дире-е-ектора ложится основная ноша институтских забот. О-о-о-он пробивает финансы, оборудование, штаты. Создает для нас все-е-е-ех,— сверкающие очки прошли по кругу этих «всех»,— необходимые условия для работы. Это отнимает у него массу времени и сил. Поэтому я считаю, что в результатах всех выполняемых в институте научных работ есть львиная доля деятельности дире-е-ек-тора. Следовательно, я считаю, каждый честный научный работник должен сам включать его в авторы самых важных...

— За перечисленные вами функции директор получает самую высокую в институте зарплату и еще имеет кое-какие льготы,— прервал с места Расул Сагдуллаевич, кивнув в сторону водителя служебной «Волги», который как раз в этот момент заглянул в кабинет, чтобы сообщить шефу, что жена его отвезена куда надо.

— Кончайте базар! — крикнул Алим Акрамович, увидев, что один из маститых подхалимов не справляется со своими обязанностями, а другой, можно сказать, самый надежный, ведет себя непостижимым образом.— У меня около пятисот научных трудов, добытых кровью и потом! (Все знали, что эта цифра «случайно» совпадает с количеством статей всех сотрудников института, выпущенных за срок директорства Алима Акрамовича).

В большем я не нуждаюсь Все свободны.— Повернувшись к «Правой руке», добавил: —А ты останься.

* * *

На следующий день директор не вышел на работу. Расул Сагдуллаевич же заперся у себя в кабинете и никого не принимал. Только иногда, неожиданно появляясь в приемной, вызывал нужных людей тоном, не терпящим ни малейшего возражения, отчеканивал распоряжения и опять скрывался за дверь. Все старались не приближаться к дирекции и дрожали при вызове туда. Зато в лабораториях, в укромных местах коридоров всюду шли обсуждения вчерашнего инцидента. Источником этой смуты были участники

совещания, сообщившие еще вчера своим доверенным лицам о совершенно невероятных происшествиях... К полудню, как обычно, слухи и толки, полностью оторвавшись от первоисточника, начали существовать самостоятельно. Фантазия научных сотрудников стремительно устремилась ввысь и вширь, не признавая никаких границ. Суждения, прошедшие через призму личных взглядов и тайных стратегий каждого, приводили к потрясающим версиям. Передавали шепотом, что «Правая рука» решил занять место директора и вчерашний инцидент есть первое звено его программы. Рассказывали также, будто все это происходит из-за того, что Расула Сагдуллаевича больше не устраивает форма дивана между ним и шефом так называемого директорского фонда. Были даже такие совершенно фантастические утверждения, что у «Правой руки» пробудилось нечто, отдаленно напоминающее совесть, которая подталкивает его к решению вывести шефа на чистую воду. Но большинство сходилось только в одном: после инцидента дни Расула Сагдуллаевича на посту заместителя директора по науке сочтены. К концу дня основная часть публики начала подчеркнуто почтительно здороваться с Бузрукходжой Саидходжаевичем, считая, что он и есть реальная кандидатура на этот вакантный пост.

Вокруг Рустама сразу образовался глубокий вакуум. Хотя никто не мог толком сказать, в чем его вина, все были уверены: при любом варианте дальнейшего развития событий ему несдобровать.

Я же ликовал. Вчера, когда шайтан вернулся, покинув лабиринт мозговых извилин Расула Сагдуллаевича, я развернул листочек. Чертик расплылся в улыбке.

— Ну как? Тебе понравилось? Давай еще кого-нибудь заставим говорить правду. Например, этого, э... твоего, э... Эшанходжаева, а?

Я погрозил ему пальцем:

— Но-но, не увлекайся. По уговору сценарий продолжаю составлять я.

— Ладно, ладно... Может быть, мне сбегать, узнать, что там происходит сейчас у директора?

— Это и так нетрудно представить...

— Алим Акрамович, не ругайте меня,— поспешно должен был бы сказать Расул Сагдуллаевич, как только мы покинули кабинет,— я сейчас все постараюсь объяснить.

— Что-о-о?.. Ты еще собираешься оправдываться после всего этого,

подлец?! — взревел директор.

— Алим Акрамович, домла, со мной что-то случилось. Я встал, уже готовый разделаться с этим упрямым ослом. Через несколько минут этот трус сам начал бы просить вас о соавторстве. Но как только я собрался говорить, вдруг кабинет с людьми словно перевернулся у меня перед глазами, и я перестал управлять собой. Я чувствовал, что говорю не то, но остановиться не мог. Словно шайтан какой-то вселился в меня и управлял моим языком.

— И ты хочешь, чтобы я поверил этой басне? Говори, какую цель преследуешь?

— Домла, ради аллаха, поверьте. Не знаю, что со мной случилось. Я по-прежнему верен вам...— На глазах у Расула появились слезы.— Не губите меня. Поручите — и я сотру в порошок всех, кто ведет себя вольно. Они будут трепетать перед вами пуще прежнего. Вы же знаете меня!

Директор был сильно озадачен. Да, зам был действительно незаменим. Расставаться с ним так, сразу — жалко.

— У тебя раньше бывало такое? — немного смягчившись, спросил он.

— Нет, домла, это, видимо, переутомление.

— Потому ты сказал, что у тебя на уме?

— Нет, Алим Акрамович! Меня какой-то шайтан попутал. Надеюсь, больше это не повторится.

— Ну, ладно, допустим, на этот раз я тебя прощу. А что собираешься делать с народом? Как же мне теперь работать с ними?

— Алим Акрамович, вы же знаете: никто не посмеет даже упомянуть при нас об этом дне. Между собой тоже скоро перестанут говорить, побоятся доноса. Так постепенно и забудут... если вы не измените своего отношения ко мне.

Директор сделал паузу, сморщив лоб, потом сказал строго:

— Ладно. Впредь остерегись, больше не прощу. Сегодня же сходи к психиатру. Считаем, что всего этого не было. Но если почувствую, что это задумано тобой, смотри, твоя карьера кончена. Я тебя везде достану.

* * *

Нет, не сверхъестественная сила шайтана, а несколько простых, правдивых высказываний смогли устроить такой переполох в

застоявшемся мраке институтского быта. Только теперь правда перестала быть для меня абстрактным понятием.

— На одной твоей так называемой правде далеко не уедешь,— пренебрежительно бросил шайтан у меня дома, разглядывая картину «Последний день Помпеи», висевшую над письменным столом.

— Не тебе говорить об этом!—меня разозлил его тон. Я, можно сказать, наконец увидел силу, разрушавшую зло и несправедливость, а он издевается над моей верой.

— Допустим, несколько человек где-то изрекли правду. Ну и что? Эти люди вскоре сами откажутся от нее, иначе рано или поздно с ними расправятся другие, не заинтересованные в такой правде. Я лично не раз участвовал в таких операциях. Самое забавное, они же не по своей инициативе и, значит, не всегда будут ее говорить, эту самую правду. В основном только тогда, когда я или ваши судебные органы копаемся в их извилинах, вытряхивая ее оттуда. После нас они, как мы имели возможность убедиться, начнут врать вдвойне — лишь бы реабилитироваться перед теми, кому успели насолить против своей воли. Другие же преспокойно продолжают врать.

— Не много ли на себя берешь, шайтан, судя о делах людских?! — разгневался я.

— Но, но, но,— прервал он меня обиженно,— в этом- то я кое-что понимаю. За вашими делами, в основном, наблюдаем, а иногда и вмешиваемся в их ход мы, рядовые шайтаны, а не те, кто на небесах. Тем, кто высоко вознесся, не до вас, поверь. Они знают себе только делить вас на грешников и безгрешных, как говорится, уже после пожара.

«С ним надо быть поделикатнее,— подумал я.— К тому же он, кажется, совсем не глуп...»

— Хорошо, хорошо. Мы ничего не добьемся в мировом масштабе с помощью наших операций. Но, но крайней мере, перепутаем карты ближайшему окружению. А то у них все получается слишком гладко и складно. Просто обидно.

— Думаешь, у них все получается само по себе? Как бы не так. Возьми хотя бы такой факт, что ваши общественные организации, в придачу и Ученый совет, превращены в службы, обеспечивающие надежную стабильность порядков вашего института. Эго же ведь результат многолетней кропотливой работы вашего шефа и его сподвижников. Им надо было находить, как у вас именуют, беспринципных, но кровно заинтересованных в научной карьере

людей, протолкнуть их на ключевые посты общественных организаций и через них проводить свои дела.

— Я всего лишь хочу, чтобы никто не обманывал, никто не пробивался вперед, расталкивая других локтями, и никто не устанавливал свою личную власть над другими.

— И что будет в результате? Чего ты этим добьешься? Анархии? Не лучше ли организованная несправедливость? Все-таки система.

Я чувствовал, что теряю самообладание.

— Не интересуется меня твоя философия! Я самый обыкновенный человек и меня несправедливо притесняют. Я им покажу, как...

— Ха-ха-ха! Личные счета, корысть,— восторженно взвизгнул, потирая руки, шайтан,— так мне приятнее работать!

У меня в руках оказался тяжеловесный том недавно переплетенного институтского годового отчета, готовый плюхнуться на шайтана...

* * *

Небеса не собирались разверзнуться и не случилось страшного землетрясения. Незыблемость авторитета директора и его зама для наших сотрудников продолжала оставаться как одна из основ мироздания. Словом, дела в институте шли своим чередом, и все постепенно начали забывать о необычном случае в кабинете директора. Казалось, понимание между шефом и «Правой рукой» даже возросло пуще прежнего. Сбитые с толку завлабы спешили засвидетельствовать свои верноподданнические чувства, тщательно скрывая недавнее нетерпение в ожидании крупных перемен «наверху». Все лишний раз убеждались, что в этом институте ничему не надо удивляться и, самое главное, не надо раньше времени выдавать свое отношение ко всяким неожиданностям, особенно если неожиданности касаются личностей из руководства.

Жизнь в институте быстро вошла в прежнюю колею. Было такое впечатление, что случившееся даже пошло на пользу союзу шефа и «Правой руки», так как сотрудники на словах и на деле еще активнее соревновались в проявлении своих верноподданнических чувств. Да, у этой парочки завидное умение нейтрализовать, а потом даже выгодно для себя повернуть любой, даже самый неожиданный ход событий...

В пестро оформленном конференц-зале института сходилась на одно

из первых заседаний Совет по присуждению ученых степеней в области химии катализа. Отец Совета и председатель — Алим Акрамович — еще не появился. Совет был организован недавно — как результат воплощения в жизнь ненасытного желания директора иметь под рукой побольше средств, действительно влияющих на судьбы людей, и, благодаря его таланту пробивать дела, мягко говоря, не совсем укладывающиеся в рамки установленных правил и норм. При пробивании вожделенного Совета основная трудность, возникшая перед будущим председателем, была в отсутствии в городе необходимого контингента специалистов в данной области. Но разве можно отказать себе в соблазне иметь под рукой собственный Совет из-за таких пустяков? Если специалистов нет, то их надо «сделать»! И вот, недолго думая, Алим Акрамович благословил своих самых шустрых воспитанников на поиски тех химиков, которые могли бы быть соавторами хотя бы одной научной статьи, где лишь мимоходом упоминается хоть что-нибудь, касающееся химии катализа. Такие люди, конечно, нашлись. Преподнести их общественности как крупных специалистов в этой области и включить в состав будущего Совета, не забывая в то же время делать это как величайшее одолжение «специалистам», было для шефа делом техники. Недоумения же по этому поводу он пресекал в корне страдальческим самобичеванием — он-де вынужден выкручиваться подобным образом «исключительно в интересах региона».

Да, Совет стоил загубленных в ходе его пробивания нервных клеток. Ведь он будет тем мощным рычагом, с помощью которого председатель эффективно, в первую очередь, с платформы своих интересов, будет управлять подрастающим поколением ученых. Действительно, продержав несколько месяцев готовую диссертацию даже одаренного аспиранта, он делал его шелковым, непременно добиваясь, чтобы тот публично признавал в директоре учителя-благодетеля, без которого бедный диссертант никогда в жизни не стал бы кандидатом. Те, кто имел особый талант в послушании и подхалимаже, в последующем будут включаться в число доверенных людей. Дав начальный импульс карьере проходимца блестяще организованным ритуалом защиты, председатель становился духовным отцом последнего. Такие не забывают «добро»...

И вот члены этого свежесостряпанного Совета в ожидании председателя, и в то же время пользуясь его отсутствием, развлекались игрой в демонстрацию самостоятельности, независимости и даже

научной принципиальности.

Наконец в окружении ближайшей свиты в зал вплыл сияющий председатель. Сиять, как вы сами понимаете, он имел полное основание. Еще бы, по мановению его властной дирижерской руки сегодня заиграет еще один мощный оркестр!

На сегодняшнее заседание была назначена защита кандидатской диссертации одного из аспирантов Расула Сагдуллаевича. Последний факт однозначно определял исход процедуры, которую и называть-то защитой было некорректно. Действительно, не от членов же Совета защищаться. Они как раз выступят за эту «работу». Да, не следует забывать, что обычно в зале при защитах присутствует толпа случайных зевак и родственники диссертанта. Возможно, от них и придется «защищаться»...

После выполнения обычных формальностей, сводящихся к зачитыванию биографии диссертанта, справок о его научном пути и так далее, начался сам научный доклад. С кисло-сладким выражением лица диссертант начал декламировать текст, осточертевший ему во время заучивания наизусть. Члены Совета мирно занимались своими делами.

Но Алим Акрамович не терял бдительности. Ради репутации нового Совета следовало бы проявить некую строгость. Кроме того, напустить ка диссертанта положенную дозу страха, чтобы тот, как положено в таких случаях, запомнил на всю жизнь, как и кто спас его от явного провала. Алим Акрамович тоном принципиального ученого, которому не до формальностей, перебил диссертанта:

— Послушайте! Вы уже говорите целых пятнадцать минут из двадцати, отпущенных вам. А я до сих пор не могу уловить логическую нить вашего выступления. Расскажите лучше про основные результаты вашей работы.

Диссертант явно не ожидал, что его перебьют, да еще вопросом, ставящим под сомнение смысл всего доклада. Заметно побледнев, он проговорил, заикаясь:

— Алим Акрамович, основные результаты я уже изложил. Осталось рассказать только о перспективах развития темы.

Алим Акрамович, в планы которого никак не входило серьезное напряжение обстановки, все же не выдержал, усмотрев в ответе столь явный намек на то, что он не слушает доклад или еще хуже — не понимает его.

— Да что вы говорите?! Не только я, ни один член Совета не понял еще сути вашей работы,— Алим Акрамович обвел глазами просыпающиеся ряды,— а вы утверждаете, что уже все рассказали.

Это окончательно убило беднягу. Взор его отчаянно искал поддержку у сидящего в зале Расула Сагдуллаевича. Однако от подобного поведения Алима Акрамовича даже «Правая рука» вначале несколько растерялся. Поскольку никто точно не ведал, что на уме у шефа, большинство очень умно решило воздержаться от какого-либо шага. Если бы знал Алим Акрамович, чем обернется неуместная вольность его изощренной натуры! Один из новичков-подхалимов, приняв грозные вопросы за сигнал расправиться с диссертантом, с нескрываемой иронией задал вопрос:

— Почему у вас в докладе не упоминался такой важный фактор, как диапазон температур, где нормально протекают ваши основные реакции?

— Диапазон, диапазон... Я проводил реакции в области и низких, и высоких температур,— выдавил диссертант.

— Неужели вы хотите сказать, что ваша контролирующая аппаратура одинаково хорошо фиксирует химический состав в той и другой областях температур? Если вы настаиваете на этом, перечислите, пожалуйста, температурные градиенты чувствительности вашей аппаратуры для всех элементов, участвующих в ваших реакциях.

Это был конец. В зале наступило зловещее молчание. Все знали, что диссертант, привыкший к постоянной опеке могущественных покровителей, не настолько углублялся в детали своей работы, чтобы помнить эти самые проклятые градиенты.

Алим Акрамович уже кусал губы, поняв, какому опасному направлению событий он дал ход. А в этот момент на бедного диссертанта обрушился еще один удар в виде следующего восклицания другого усердного слуги шефа:

— А где, скажите мне, пожалуйста, в вашей работе химия? Если я не ошибаюсь, вы претендуете на степень кандидата химических наук?

Чтобы предотвратить ценную реакцию вышедшей из-под контроля ситуации, шеф медленно встал и с виноватой улыбкой произнес:

— Вообще-то мы все, и в первую очередь я, вели себя не совсем верно. По существующему положению мы не должны были прерывать доклад до его окончания. Давайте дадим возможность диссертанту

закончить выступление. Потом начнем выяснять непонятные места. Думаю, что тогда он ответит на все вопросы удовлетворительно. Мы все не раз слушали его на лабораторных семинарах и знаем, что работа его хорошая, а он сам лучше, чем кто-либо из нас, разбирается в ней.

Члены Совета облегченно вздохнули: теперь все ясно...

Совершенно сбитый с толку, растерявшийся диссертант дрожащим голосом кое-как закончил доклад.

После этого начался парад-смотр на лояльность перед председателем. Первым решил блеснуть своими глубокими соображениями Бузрукходжа Саидходжаевич. Он начал с того, что, будучи секретарем Ученого совета, по долгу службы подробно ознакомился с работой. Притом он-де получил огромное удовлетворение, и это чувство никак не может быть затенено не совсем удачным докладом диссертанта, что, по его мнению, является естественным следствием огромного перенапряжения и усталости после завершения такой серьезной работы. Потом Бузрукходжа Саидходжаевич очень тонко намекнул на беспредметность и неуместность вопросов тех двоих.

Через некоторое время почти все члены Совета один за другим реабилитировали себя за трусливое молчание в те критические минуты, воздав хвалы и новобранцу науки, и ее командирам.

Первый из позволивших себе задавать вопросы встал и заявил, что теперь понимает всю важность и серьезность работы и замечания свои снимает из-за их некорректности. Второй был близок к такому же раскаянию.

Ну, нет, спохватился я, только теперь вспомнив про свою «миссию». Чутье мне подсказывало, что до сих пор, из-за плохой ориентации в обстановке, этот человек говорил что-то близкое к правде, во всяком случае то, что думал. Пусть продолжит в том же духе. И я послал к нему шайтана.

— Я все-таки не услышал ответа на вопросы, заданные мной и моим коллегой,— твердо заявил товарищ.

Публика, естественно, разинула рты. Такого она не ожидала.

— Ваш коллега, как вы должны были заметить, снял свой вопрос, признав его нелогичным. Пора бы и вам последовать его примеру,— с крайним раздражением ответил за диссертанта Алим Акрамович.

— Алим Акрамович, я считаю, что снятие вопроса моим коллегой — его личное дело. Хотя, догадываюсь, почему он это сделал, но не хочу

отвлекаться на такую мелочь,— заявил настырный товарищ.— Считайте, что у меня возник тот же вопрос, и мне, в отличие от моего коллеги, хочется получить на него ответ, притом от диссертанта.

Что тут началось!.. Весь Ученый совет во главе с председателем как по команде набросился на вольнодумца. Тема спора очень быстро ушла от диссертации, науки она вообще не коснулась. Разговор был успешно переведен в русло личных препирательств. Вначале объект нападения успевал парировать атаки меткими замечаниями о достоинствах самих нападающих. Постепенно большинство начало одолевать его. Бедный шайтан, при всей своей проворности, видимо, не успевал откапывать достаточно «материала», либо он был слишком глубоко упрятан в темных лабиринтах мозга. В конце наступление под дирижерством Алима Акрамовича стало настолько интенсивным, что объект был не в состоянии даже рта раскрыть. Его не слушали, а мастерски дополняя друг друга, закидывали контрвопросами, основная цель которых сводилась к тому, чтобы скомпрометировать «наглеца». Стенографистки обалдело слушали все это, опустив руки. При таких темпах они все равно ничего не успели бы зафиксировать.

Диссертант так и не вмешался в происходящее. Его испуганное вначале лицо постепенно приняло равнодушное выражение. Через некоторое время он уже спокойно, с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим — мол, как же выкрутится из этой заварухи неожиданный критик его работы?

Под конец атакуемый сник, опустил голову. Я вытащил листок и увидел только что возвратившегося шайтана. Он был весь в поту, также с виновато опущенной головой. Полный провал... Когда я покидал конференц-зал, сзади донесся довольный голос Алима Акрамовича:

— Прекратим дебаты, мы теряем время. Протокол заседания хотя бы с одним голосом «против» смотрится убедительнее, чем стопроцентные «за». Заслушаем отзывы официальных оппонентов...

— Ну что, друг, показали они тебе, как надо работать?

Шайтан опять опустил мохнатую голову.

— Во всяком случае, я теперь понимаю, почему мне предписывали поучиться у них. Правды о своих коллегах в голове у этого тина было предостаточно. Но она, как у них принято, запрятана глубоко...

— Не оправдывайся. Признайся, что они утерли тебе нос. Мы с тобой даже услужили им. «Протокол с одним голосом «против» смотрится убедительнее». Слышал?

Шайтан не отвечал. Я сложил листок и побрел домой. Мы с ним были, как побитые собаки. Да, их голыми руками не возьмешь. Впредь надо тщательно готовить операции. Прوماхи, оказывается, приводят к противоположным результатам. Надо быть осторожней, умнее. По дороге перед моими глазами стояла финальная сцена раскаяния, где чуть ли не плачущий член Ученого совета пытался уверить свирепого шефа, что его «какой-то шайтан попутал».

— Ничего у вас с ним не выйдет,— сказал шайтан дома.— Все это пустое.

— Не расстраивайся. Если нам удастся немного расшатать авторитет шефа, то все остальное само собой рухнет, как картонный домик.

— Авторитет? Ты думаешь, у него есть авторитет? Если это авторитет, то скажи мне, пожалуйста, как на вашем языке именуется способность держать других в страхе, заставляя пресмыкаться перед собой? Как ты собираешься это расшатать? И вообще, можешь ты провести четкую границу между авторитетом, с одной стороны, и страхом, робостью перед властью, с другой?

Не могу, тут же про себя отметил я. На кой черт я опять сцепился с ним? Не зная, как выйти из положения, я в отчаянии набросился на оппонента:

— Это твое племя путает людей! Вот следствие вашего внушения: люди неосведомленные, ограниченные, люди с чувством собственной неполноценности возводят в авторитеты людей, сильных в карьеризме и неприкрытом властолюбии.

— Значит, так. Если отвлечься от твоей жалкой клеветы на наше племя, ваш так называемый авторитет есть понятие очень и очень относительное. И, судя по всему, его смысл сильно зависит от того, кто и в какой ситуации пользуется им?

— Все пользуются этим понятием так же, как и любым другим,— в силу своей компетентности или, скорее, испорченности.

— Ну вот,— удовлетворенно произнес шайтан,— это я и хотел услышать. А свои грехи нечего сваливать на нас. Я так зол на своих, но все же мне за них обидно... Ну, а как ты хочешь расшатать авторитет шефа? — при миренчески заговорил вдруг шайтан.— Разве не этим мы занимались до сих пор?

— Надо заставить его самого сказать вслух то, что у него на уме, когда он особенно остерегается этого.

— Ну что ж, если только в этом дело, устрою я тебе такое удовольствие. Желание компаньона для меня закон,— приложив руки к груди, слегка поклонился шайтан.

Честно говоря, я не совсем представлял, как поставить этот крупный эксперимент. Надо было вникнуть в скрытую подоплеку интриг институтского масштаба.

А мое опальное положение мешало быть в курсе, со мной не секретничали...

Когда не имеешь программу действий для достижения очередной цели, выручает случай. Однажды за свадебным столом у моей троюродной сестры я оказался по соседству с коллегой. После того как мы немного освоились, в атмосфере общего веселья наступил момент, когда даже самые скрытные люди чуточку приотворяют ворота своего внутреннего мира. У моего соседа было не очень приподнятое настроение. Это никак не вязалось с его нынешними успехами.

— Что, Костя, не трогает тебя счастье молодых? По- моему, неплохая получается пара, а?

— Какой разговор, пара прекрасная!

— Так в чем же дело?

Он немного настороженно посмотрел на меня и вдруг с деланной беспечностью взял свою недопитую рюмочку:

— Давай еще по глоточку. Не хватало нам и здесь обсуждать служебные дела...

Мне было бы достаточно погладить листок, чтобы узнать, о каких явно не очень приятных для него служебных делах идет речь. Но моя идиотская порядочность!..

Через некоторое время Костя неожиданно повернулся ко мне и тоном азартного игрока сказал:

— Много бы я дал тому, кто сказал бы мне, что у него на уме.

Вот тебе на: кажется, у меня есть единомышленник! Запахло сюжетом из жизни разведчиков. Оставалось назвать пароль и услышать отзыв...

Видимо, я усталился на Костю настолько обалдело, потому что он раздраженно проговорил, хлопнув меня по плечу:

— У шефа, у шефа! — Потом махнул рукой.— Что толку рассказывать тебе это...

Формально преграда передо мной была снята — ведь он сам сделал шаг к откровенности.

— В чем дело, расскажи. В последнее время я немного начал разбираться в ребусе, именуемом «тайными намерениями шефа». Может, смогу просветить тебя.

Костя рассмеялся.

— И при этом добиваешься таких успехов в своих делах? — съязвил он.

— Просто я еще не умею корректировать свои поступки в соответствии с его задумками..,

— Ну ладно, веселись, ведь свадьба же! У тебя своих неприятностей хватает. Это я так вспомнил: завтра с утра предстоит, как мне кажется, довольно неприятный разговор с шефом, хотя мы никакой вины за собой не знаем. Просто иногда до боли хочется узнать, что у него на уме и что он замышляет по нашему делу...

Из дальнейшего выяснилось, что речь идет об очередной операции группы «независимых», о существовании которой до этого дня я даже и не подозревал...

«Мне больше ничего и не нужно от тебя. Завтра вы из его же уст услышите, что он вам готовит. Расколоть его — моя забота. Вот как раз тот случай, который мне нужен!»

* * *

Из-за полуоткрытой двери донеслось раздраженное: «Пусть войдут!» Накрашенная секретарша, не моргнув черными стрелками накладных ресниц, холодно произнесла: «Заходите».

Все четверо поднялись и один за другим скрылись за директорской дверью. В ожидании этого момента я околачивался около приемной по пустяковым делам.

Вслед за ними туда же я отправил и шайтана. Потом долго ждал, рассчитывая услышать, как из кабинета донесутся крики и вопли, сопровождаемые хохотом вошедших туда. Ждал, как публично будет рушиться авторитет шефа, как тайное становится явным и наши дивиденды растут.

Но все было тихо и пристойно. Там, как я узнал позже от моего компаньона, происходило, оказывается, вот что.

— Мы пришли к вам за советом и поддержкой,— сказал предводитель вошедших, доктор наук, притом не липовый.

— Слушаю,— глухо пробурчал директор, захлебываясь от

собственного превосходства над просителями. Не любил он, естественно, эту четверку, считал их потенциально опасными, хотя вслух называл своими учениками. Уж больно они были самостоятельными и каким-то образом оставались вне зависимости от него. И диссертации они свои защитили не благодаря, а скорее вопреки его тайным желанием. Но больше всего его раздражало то, что они всегда держались вместе — никак не удавалось их перессорить. Таких приятно видеть только в роли просителен. Алим Акрамович, мы собрали и систематизировали наши с вами работы за последние пять лет. По возможности критически оценив их уровень, принесли на ваш суд...

— На предмет чего? — резко прервал директор, уже получивший изрядную долю раздражения от фамильярного «наши с вами работы» вместо привычного и ласкающего слух «работы, посвященные решению задач, поставленных вами и выполненных под вашим руководством».

— Видите ли, Алим Акрамович, нам кажется,— тут говоривший остановился в позе обреченного гонца, сообщающего шаху о крупных неприятностях,— работы тянут на уровень Государственной премии. Если вы как соавтор не имеете ничего против, можно было бы рискнуть и выдвинуть их.

— Значит, вы уже все сами решили,— злобно прошипел директор, по очереди сверля их свирепым взглядом.— А я? Вы, надеюсь, еще не забыли, что я тоже автор этих работ. Вы собрали и систематизировали их без меня? А может, я против этого?

— Алим Акрамович, вот мы и пришли к вам, чтобы узнать ваше мнение. Вы же требуете от нас, чтобы к вам заходили с уже продуманными, готовыми предложениями. Вот мы и...— начал Костя и тут же был прерван шефом:

— Не крути! Вы пришли с готовым материалом, чтобы поставить меня перед фактом! Чтобы оказать давление! А ну, давайте сюда, что вы там насистематизировали! — Получив аккуратно сшитую толстую папку, он брезгливо начал листать ее.— Моя фамилия фигурирует здесь как насмешка. Вы ведь хорошо знаете: моя кандидатура на Госпремию не пройдет, я ее получил уже один раз. И по статуту...— С перекошенным от злобы лицом швырнул папку сидящим.— Идите. Делайте, что хотите.

Я не хочу иметь отношения к вашим самовыдвиженческим

махинациям!

— Алим Акрамович, какую из этических норм мы нарушили, что так рассердило вас? — мягко, но настойчиво спросил Костя.

— Не прикрывайтесь красивыми словами и не пытайтесь меня дурачить!

Сидевшие украдкой переглядывались, пытаясь понять, с какой стороны шеф готовит удар.

— На сегодняшний день вы уже должны были зарубить себе на носу: я единственный академик по химическому катализу. Все, что делается у нас в этой области, проходит через меня. Я знаю, кто по очереди должен быть выдвинут на Госпремию. Своим шагом вы выдали свое пренебрежение к моему авторитету и мнению. Вы это надолго запомните!

Наступила пауза, каким-то образом продолжавшая источать злобу шефа. Вот парапсихология...

— Алим Акрамович, поверьте, не было у нас злого умысла,— начал примиренчески Костя.— Если мы и допустили что-то нетактичное, то только по неопытности.

Директор издевательски ухмыльнулся.

— Думаете, свалите все на наивность, неопытность и вам все сойдет с рук. Нет! Не поддерживаю я ваши кандидатуры. Есть более достойный кандидат на премию. Его работы может и слабее ваших. А поддерживаю я его потому, что мне надо успеть сделать его непотопляемым. Обеспечить его титулами, пока я жив и еще способен на это. Ему я уже обеспечил поддержку крупных имен из центра. Везде, где должны знать о его кандидатуре, уже знают. И вдруг вы суетесь со своей работой... Я не допущу ничьей конкуренции, тем более вашей. Заберите эту стряпню и больше никогда о своей затее не заикайтесь. Вы думаете, я допущу, чтобы мой родной племянник Эркин, раз уж я решил его двигать, имел хоть какой-нибудь шанс провала? Нет! Вы не будете допущены даже на рассмотрение вашей работы уже в первом туре. Забыли, кто я? Многие пытались встать на моем пути. Пока никто не добился успеха в этом деле. И вам не удастся!..

Посетители так и застыли под шквалом угроз.

— Вы что, забыли судьбы Караматова, Сурцева? Они ведь были далеко не чета вам. Академики! Эти донкихоты объединились против меня. Чтобы не допустить до этого кресла, где я сижу двадцать лет вопреки их желаниям. Они, видите ли, в академии имели больше авто-

ритета, заслуг. И что? Я их полностью нейтрализовал, перессорил. В итоге оба получили по инфаркту и теперь, если станут опять мне мешать, то разве что на том свете...

— Почему вы говорите с нами таким образом?.. И себя расстраиваете. Пожалуйста, остановитесь, Алим Акрамович, мы ничего плохого не собирались...— все еще пытался спасти положение Костя.

— И не сможете сделать ничего! Все ваши уникальные диссертации и статьи — ноль по сравнению с моим званием академика, которое никто не сможет отнять. Я с ним всегда буду прав, всегда!

Да, к такому непривычно открытому разговору, где вещи были названы своими именами, они не были готовы и, конечно, не знали, как себя вести в подобных случаях.

Между тем шеф уже окончательно добивал их.

— Попробуйте только написать куда-нибудь об этом разговоре! Ну, придет комиссия, поработает здесь. А коллектив поддержит меня, скажет: рановато вас выдвигать на Госпремию. Уж такое мнение я сколочу вмиг, почва — если вы не окончательные олухи, то понимаете — благоприятная. А потом... Потом я на долгие годы подпорчу вам карьеру. Не забывайте — жизнь дается человеку один раз. Помните, что учили еще в школе в виде отрывка из какого-то художественного произведения... Вопрос исчерпан, можете идти.

* * *

— Ну что ж, дело сделано. Теперь можно наблюдать, как будет рушиться его авторитет,— не без иронии закончил шайтан свой рассказ о событиях в кабинете шефа.

— Не ехидничай! Во всяком случае, мы это заслужили. Не может же быть, чтобы эта четверка дружно молчала об удивительных откровениях шефа! Думаю, завтра же случившееся станет достоянием публики.

Так оно и случилось. Институт опять тихо гудел. Директор на две недели исчез. Говорили, болеет. Зная возможности и способности шефа (но не зная, что он, запершись дома, пытается разобраться, какой же шайтан его попутал вслед за «Правой рукой»), несчастные претенденты на Госпремию совсем приуныли. Говорили, они молят бога, чтобы именно в эти дни в вышестоящие инстанции не поступила очередная анонимка на шефа. Директор непременно приписал бы авторство кому-

ни- будь из них...

Авторитет однако почему-то не спешил рушиться. Откровения мало кого, по существу, удивили. «Ну и что,— говорили,— сказал так сказал. А то мы не знали, что не у всех намерения совпадают со словами. Он даже проявил гражданскую честность — все высказал, как думает».

Мне некуда было девать глаза от стыда перед шайтаном. Этот маленький циник, увы, что-то уж слишком часто оказывался прав.

Выйдя на работу, директор вызвал к себе четверку. Туда же отправился и шайтан — на этот раз в качестве наблюдателя. И вот что я узнал о следующем раунде.

— Я много думал о вас,— начал Алим Акрамович.— В общем, так. Госпремия — вещь серьезная. Мы, в первую очередь, должны заботиться о ее авторитетности, весомости. Выдвигаемая работа долл^на быть очень важной, освещающей разработанную проблему со всех сторон. Вот я и подумал — взять бы да объединить вашу работу с работой Эркина. При этом, с одной стороны, будет обеспечен двухсторонний подход к решению проблемы, что покалет полноту исследований, а с другой стороны, Эркин — не из нашего института, следовательно, мы соблюдаем объективность. Это все, что я смогу сделать для вас. («Этого я ни за какие бы блага не стал делать, если бы не опасался, что кто-нибудь из вас, каналы, не выдержит и пожалуется куда-нибудь, где жаждут моего провала»,— вертелось у него в голове, хохоча рассказывал шайтан.) — И добавил многозначительно: — Если у вас есть другое мнение, скажите, обсудим.

Обалдевшая от такого неожиданного поворота четверка растерянно молчала.

— Что молчите?! Вы еще недовольны чем-то? — начал входить в форму шеф.

Четверка, потерявшая к этому дню всякую надежду на успех, почувствовала, что может остаться и без этой подачки, и, как по команде, один за другим, начала сбивчиво выражать шефу свою благодарность за мудрое решение. Директор внимательно просверлил их взглядом и, убедившись, что на лицах подчиненных нет следов затаенной злобы, перешел на отечески заботливый тон:

— Не надо благодарить. Работа ваша, так же как и Эркпна, вполне заслуживает поощрения. Она ведь признана и зарубежными школами... В прошлый раз я немного погорячился. В следующий раз так не

делайте (четверка много бы дала, чтобы узнать, что именно надо было делать не так). Забудьте про тот наш разговор. Знаете ли, все мы молекулы и атомы одного вещества... Вот работа Эркина. Внимательно изучите ее, скорректируйте нужным образом.— Вдогонку прозвучал приговор шефа: — Ну вот, вопрос можно считать созревшим и подготовленным. Теперь его можно выносить на суд общественности и Ученого совета. Думаю, все пройдет гладко...

— Вот как надо работать! Видал? — присвистнув, закончил шайтан.— Нейтрализованы непредвиденные конкуренты. Мало того, подчинены так называемому общему делу. И тем самым укреплены позиции племянника. А грохота рушащегося авторитета мы вовсе и не услышали, не так ли?

— Подожди, у меня самого от всего этого голова кругом идет. Я думал, хоть эти ребята доставят ему хлопот.

— Зачем?! Зачем это нужно твоим ребятам? Если они хотят дальше заниматься наукой, а они, по всей видимости, хотят, им нужна спокойная жизнь. Чего они добьются, если займутся шефом? Во-первых, при беспринципности, изворотливости и цепкости Алима Акрамови- ча они мало что докажут. Хоть четверка оказалась свидетелем откровений шефа, не забывай, они лица заинтересованные. Во-вторых, даже в случае победы они надолго заработают себе прочную славу скандалистов и будут облеплены тем количеством грязи, которого вполне достаточно для полного подрыва их научной карьеры — шеф об этом позаботится. Зачем этой четверке такие приключения? А время, потерянное для науки, и бесповоротно испорченные нервы?..

Странно, ни логика, ни жизненность доводов в тираде шайтана на этот раз не подействовали на меня. Не может, не должно быть так! Весь кошмар, окружающий меня в институте, наверно, какая-то дикая случайность на общем фоне. Что-то не позволяло мне выйти из игры. Может, то, что я человек и не могу разувериться до конца в себе подобных? Нет, все же это дело потусторонних сил. Я, современный ученый, дал снова втравить себя в спор, достойный средневековых схоластов...

— После всего ты еще пытаешься убедить меня, будто к грехам людей вы не имеете никакого отношения? — напал я на шайтана.

— К грехам живых мы действительно имеем мало отношения. Наша главная забота — наказывать их там, внизу, когда они наконец попадают в наши руки. Там-то мы и припоминаем людям все.

— Я ведь еще не забыл о ваших больших и малых советах. Чем вы как, занимаетесь, если не живыми? Не кроссворды же решаете! И вообще — вспомни, почему

ты оказался здесь.

— Ну, это объяснимо,— примирительно заговорил шайтан.— В течение тысячелетий ваш род все свои грехи сваливает на нас. Мы надеялись, что со временем это заблуждение рассеется... И вот недавно, каких-нибудь две тысячи лет назад, у нас было создано небольшое управление по делам живых. Если нас не перестают упорно обвинять в грехах людей, то пусть хотя бы это будет по справедливости. Тем более, чего греха таить, оказалось — особое удовольствие доставляет наказание за те грехи, в программировании которых сам принимал непосредственное участие. Но это не основная наша работа, а некоторая слабость, хобби, что ли...

Шайтан смолк. Было видно: что-то замышляет. Вдруг его лицо исказила знакомая отвратительная ухмылка.

— Хочешь, я тебе устрою экскурсию в наши края? Все увидишь своими глазами.

Я, конечно, никак не ожидал такого предложения.

— Задумал удрать таким манером?

— Стал бы я ломать голову над таким пустяком,— усмехнулся шайтан.— Мне просто надоело выслушивать всякую напраслину. Побудешь у нас, увидишь, что там делается...

Нетрудно представить, какой великой ответственностью я проникся, обдумывая предложение шайтана. Ведь я считал себя чуть не первым представителем Востока, который решился на такое путешествие... В то же время в голове крутились мысли типа: «Ведь никто из вернувшихся оттуда не имел такого экзотического проводника». И вообще все это выглядело страшновато...

— Боишься? — ухмыльнулся шайтан.

— Я думаю: все, кто ходили туда, имели перед собой ясную цель. А что гонит туда меня? — задумчиво соврал я, чтобы замаскировать свою нерешительность.

Шайтан продолжал загонять меня в угол.

— Цель? Ты, по крайней мере, увидишь своими глазами, что чертям мало дела до ваших земных делишек. Мы там и так перегружены: воздаем должное за ваши самостоятельные грехи. Пусть хоть один из вас убедится в этом.

— Какая гарантия, что я вернусь? — спросил я резко.

Слушай, не ты ли выступаешь поборником справедливости и правды? А что ты реально сделал для этого? Много вас ходит на Земле таких честных, кото-рые и пальцем не пошевелили, чтобы утвердить справедливость. А она, между прочим, требует каких-то жертв и риска, в конце концов. Вы же только и знаете, что ныть и жаловаться...

Шайтан оказался на высоте. Чем было , крыть его доводы?..

* * *

Вряд ли я могу внятно описать ужасы преисподней... Не вина древних авторов, если их потусторонний мир недостаточно потрясает нас, современных читателей. Я теперь знаю: это у нас не хватает воображения, чтобы представить их страшный путь...

Когда шайтан сказал: «Сейчас ложись спать, как всегда, проснешься уже не здесь»,— я долго не мог заснуть. Все мерещилось — вот сейчас открою глаза и увижу себя на склонах той мрачной горы, где великому флорентийцу на узкой тропе дорогу преградили «свирепый лев», «проворная рысь» и, кажется, «алчная волчица». Напряжение от ожидания неизведанного довело меня до того, что порой казалось, будто я уже стою на краю бездонной пропасти, куда с диким клочкотаньем низвергается легендарная подземная река... Так я пролежал в полудремоте до глубокой ночи и, наконец, измученный, заснул.

Очнулся я, как ни странно, в своей постели, но... не у себя в комнате! Кровать, на краю которой сидел, свесив ноги и дымя необычайно едкой сигарой, «материализовавшийся» шайтан (до сих пор он являлся, оживляя рисунок), стояла посреди необычного, но вполне мирного пейзажа.

— Кажется, мы несколько ошиблись адресом, не правда ли? — съязвил я.

— Не адресом, а эпохой,— не оборачиваясь, ответил шайтан.— Сейчас мы это исправим. Тебе, между прочим, повезло. Ты увидишь многое, чего я и не думал тебе показывать.

— А что случилось?

— Да перехватил я чуточку в прыжке через это... нуль-пространство, о котором вы пока знаете только по вашим фантастическим романам. Мы с тобой оказались в той части преисподней, где обитают души людей, умерших в более ранние

времена. Сейчас придется догонять твою эпоху.

— Как? Мы же считали, что все души, когда-либо попадавшие в ваши руки, уживаются в одном месте! Ведь у Данте тоже...

— Данте, Данте! Ну что за идиотский консерватизм! Думаешь, со времен Данте наш ад не изменился? Только у вас развитие, прогресс и тому подобное? Ваши общественные системы выдержали бы, если вдруг ожили все люди, когда-либо жившие на земле? С их резко различающимися мировоззрениями, нормами поведения? Нет! Вот и у нас было много трудностей и путаницы. Бесконечные фокусы анахронизма. Одно время мы только и занимались, например, ограждением деда от его прапрапраправнука, у которого, как он утверждал, оказывалась загубленной жизнь из-за «плохих генов», унаследованных от старика.

Внезапно моя кровать плавно поднялась и начала все быстрее двигаться на высоте птичьего полета в сторону скалистых гор, высившихся вдаль. Я дотянулся до одежды, висевшей на спинке кровати, кое-как оделся, страшно боясь свалиться, и тоже сел, свесив ноги.

Под нами уже скользили острые черные скалы. Скоро и они остались позади. Дальше лежала окутанная серым дымом огромная долина с признаками кипучей жизни. Были видны отдельные строения, костры; вдаль в тумане можно было различить целые города. Скоро я начал замечать чертей, снующих туда-сюда, местами они целыми полчищами маршировали куда-то. Везде чувствовалась предельно деловая атмосфера.

— Здесь обитают души ваших средневековых предков,— сказал шайтан, очертя рукой долину.

Селения, города, строения, одеяния людей, которых удавалось различить, были средневековыми — минареты, арки, длинные халаты, чалмы. Я начал слышать голоса — пронзительные дикие вопли, проклятия...

— Вон там, на медленном огне, поджаривают беднягу Абдуллатифа¹ — показал шайтан, зевая от скуки. Под нами я увидел аккуратные ряды больших котлов, облизуваемых снизу языками пламени. В котлах барахтались грешники, издавая эти жуткие вопли.

— Ты симпатизируешь убийце? — возмутился я.

---

¹ Сын повелителя Самарканда и астронома султана Улугбека, вероломно убивший своего отца.

— Почему бы и нет? Ведь фактически его отца убили другие люди, более изощренные в коварстве. Правда, они воспользовались руками Абдуллатифа. Но его единственная вина при этом — властолюбие. За такое смело можно поджарить половину человечества.

Мне становилось не по себе. Ад, над которым я начал было посмеиваться в начале путешествия на летящей кровати, давал о себе знать. Я уже ощутил жуткий запах паленой плоти, а сердце замирало от воплей.

Нашим взорам открывались все новые и новые страшные сцены.

— Посмотри туда, видишь, там наши возьтятся с Маджиддином²? Он был не вполне такой, каким вы знаете его по Бабуру³. История не все донесла до вас. Но от нас-то ничего не скроешь. Вот он и рассчитывается за все свои грехи — никак не может рассчитаться. Говорят, не дошли еще даже до середины его толстого дела. А недавно поползли слухи, что несколько наших уже отстранили, притом одного даже серьезно наказали...

— Почему же? — спросил я, пытаюсь получше разглядеть суету, происходящую вокруг высокого человека в халате с тусклым серебряным подбоем.

— Жертве каким-то образом удастся вызвать у исполнителей казни расположение к себе, мало того, возник даже тайный протест против приговора. Здесь работает тот же механизм, что имеет место и у вас, на Земле: человек, правдой и неправдой сумевший окружить себя властью, почетом, и в беде не остается без внимания — всегда найдутся слабые, которые продолжают тайно дрожать перед былой силой такой личности.

— Какой приговор ему вынесен?

— Он предоставлен на волю своих бывших жертв. Каждый из них казнит его по-своему. Это целая система очередности и правил, за которыми следят наши. Вот как раз их он и подкупает, зачастую безуспешно.

Мы приближались к следующей гряде мрачных скал. Камни здесь были темнее и отливали холодным лунным светом. Кое-где я заметил тусклый отблеск ледяных глыб.

— Сейчас ты увидишь людей другой эпохи,— заметил шайтан

---

² Первый визирь правителя Герата, постоянно строивший интриги против Алишера Навои.

³ Основатель империи Великих Моголов, автор известного автобиографического произведения «Бабур-наме».

задумчиво.

За скалами открылась еще более сумрачная долина. Вдалеке у горизонта виднелись действующие вулканы.

Гигантские языки пламени лизали темное небо.

— Как здесь ужасно! — вырвалось у меня.

— Конечно,— согласился шайтан,— ведь и ваша наука оценивает восемнадцатый, девятнадцатый века на твоей родине как пик мракобесия и произвола.

— А вы что, не согласны с нами в этом?

— Мы просто видели, как в эти столетия фанатизм, невежество и жестокость потопили миллионы людей в пучине гнуснейших преступлений. Вот здесь и создан соответствующий комфорт для тех, кто особенно отличался в этих делишках.

Я попытался разобраться, что же там творится внизу, во мгле. На небольшой поляне, склонив головы, стояли несколько человек. Все они были без головных уборов, обриты. Золотой и серебряный подбой халатов тускло мерцал в отблесках далекого пламени. Руки людей были связаны за спиной. Я с ужасом увидел, что рядом, на их глазах, шли приготовления к казни. Одни палачи точили длинные ножи, другие копали ямы для стока крови.

— Кто эти несчастные?

— А, эти? Эмир Бухарский Насрулло, его сыновья и внуки — возможные наследники.

— За что их так?

— Плохо знаешь историю. Этот эмир, называвший себя «примерным поборником ислама», беспощадно казнил своих единоверцев, например, поэтессу Надиру и ее сыновей, внуков в основном за то, что она была духовно намного выше его. Здесь впервые применена казнь «его же методом». Эффект поразительный. Группа, ведущая это дело, сообщает, что страх и ужас мучеников, пока идут приготовления, просто потрясающие.

— И долго будут идти приготовления?

— Вечно, но грешники не знают об этом.

— Через некоторое время мы оказались над лабиринтом узких улочек старого средневекового города. Темные тупики, неожиданные узкие повороты, теснины глухих стен глинобитных домов... По одной из улочек, спотыкаясь, падая, из последних сил бежала женщина в парандже. За ней стремительно мчалась растянувшаяся на сотни метров

стая волчиц. Когда стая с торжествующим воем догоняла женщину, той удавалось обмануть голодных зверей, свернув в одну из боковых улочек. Поплутав некоторое время, стая вновь выходила на след. Опять душераздирающая погоня. Что за травля?

— Это знаменитая сводница из старого Коканда, неотразимая Мастураhon. Изошренным обманом и хитростью, завидной даже для нашего брата, она завлекала девушек в тайные гаремы духовной и светской знати Коканда. Не один десяток молодых и красивых дочерей бедняков, а иногда даже и довольно могущественных родителей пали жертвой ее интриг.

— Постой, постой, я, кажется, вспоминаю, о ком речь. В «Тайнах паранджи» писателя Хамзы...

— Точно. Только вам известна лишь какая-нибудь сотая часть ее проделок.

— Почему такое странное наказание?

— Пришлось с ней повозиться. Вначале за Мастураhon гналась толпа загубленных ею женщин. Ты, конечно, догадываешься, чем кончилась бы погоня, если бы они ее настигли. Но эта лиса, даже при такой дикой скачке, умудрялась подкупать некоторых чертей из группы, контролирующей казнь: сводница соблазняла их прелестями самых хорошеньких из преследовательниц. После этого женщин заменили голодными волчицами.

Мы приближались к следующему скалистому рубежу эпох.

— Сейчас попадем в твой век,— сказал шайтан, оживляясь.

Начало быстро светать. Когда скалы остались позади, я увидел бескрайнюю долину, залитую ярким светом, совсем земную и привычную. Необычными были только черти, шнырявшие туда-сюда.

— Почему здесь все как на Земле? — спросил я неуверенно.

— Это наше последнее достижение, можно сказать, пример дерзкого взлета творческой мысли. Мы у себя создали ваш мир, скомпоновав его из определенных сторон вашей жизни.

— Для чего?

— Не спеши. Скоро поймешь,— сказал шайтан, плавно сажая наш воздушный транспорт на окраине моего родного города. Кровать тут же исчезла.

— Теперь будем передвигаться как все — пешком или общественным транспортом.

Был час «пик». Городской транспорт работал привычно — с давками

на остановках, троллейбусные штанги с лязгом срывались с проводов.

Только по улицам ходили люди, в большинстве недавно ушедшие из нашего мира.

— Это называется ад? Так ведь то же самое наши говоруны-очковтиратели с пеной у рта пытаются выдать за рай.

— Как раз здесь они по-настоящему в аду. Ты скоро их встретишь.

Шайтан остановил одну из машин с зеленым огоньком, и мы понеслись по знакомым улицам. Всюду люди куда-то спешили, занимались разными делами.

Машина притормозила у здания сложно-классическими колоннами — Академии медицинских наук. Здесь царил торжественная обстановка, искусно создаваемая аппаратом Президиума Академии в день годовичного собрания. Демонстрируя рассеянную непосредственность, бескорыстную влюбленность друг в друга, ходили по холлу академики. Заметив друг друга издали, они с восторженными восклицаниями спешили в обоюдно открытые объятия. Вокруг — толпы услужливых докторов и кандидатов наук, дальнейшие судьбы которых зависели от сих высокочтимых учителей.

— Мы, кажется, угодили к самому началу спектакля. Сейчас появится и тот, для кого все это инсценировано.

«Ну, конечно же, это последнее годовичное собрание, о котором недавно писали газеты», — вспомнил я.

— Но позволь. Ведь многие из этих академиков, как я знаю, еще ходят в живых?

Шайтан ухмыльнулся.

— Их роли здесь для полноты впечатления играют наши.

— Подъехала «Волга». Несколько человек проворно ринулись к ней, и счастливчик, которого я не смог разглядеть в сгустившейся толпе, открыв дверцу, выпустил из машины высокого, чуть сутуловатого старика с густой копной совершенно седых волос. Это был недавно ушедший из нашего мира вице-президент Академии Максудходжаев. Все расступились, пропуская его в здание, и он прошел по живому коридору, по-отечески одаряя окружающих кивками и мягкими рукопожатиями. На лице и в глазах почтенного старца была написана бесконечная усталость от неземных забот. Черты его благородной внешности говорили о полной отчужденности от каждодневной

мирской суеты, от мышинной возни услужливо шныряющих вокруг карьеристов. Пошли, если опоздаем, нас могут не впустить в конференц-зал,— толкнул меня мой проводник.

Президиум собрания состоял, как водится, из маститых академиков, представителей вышестоящих организаций. В центре, как украшение всей компании, сидел Максудходжаев.

— Для чего вы повторяете это ничем не примечательное собрание? Что здесь произойдет?

— Казнь,— коротко ответил шайтан, и я, не смея больше задавать вопросы, с содроганием начал ждать событий.

Долго тянулся скучнейший отчетный доклад главного ученого секретаря. Кончилось перечисление «фундаментальных научных достижений», многомиллионных экономических эффектов (существующих только на бумаге), несущественных и безобидных недостатков, не затрагивающих конкретно ни один из институтов, а следовательно, и личностей их директоров — академиков. Все заметно устали, от налета одухотворенности на лицах не осталось и следа. Не удосуживаясь скрыть зевоту, люди нетерпеливо поглядывали на часы. Казалось, только Максудходжаев внимательно слушал доклад и по-прежнему с отеческой заботой следил за происходящим.

— Не знаю, что вы тут затеиваете, но старика-то можно было избавить от этого спектакля,— не удержался я.

Шайтан, странно хихикнув, промолчал.

Тем временем шли прения по отчетному докладу. Выступавшие говорили о необходимости увеличения ассигнований на работу именно их института, доказывали, что только эти научные направления могут принести честь, славу и доходы Академии.

Наконец, прения окончились, после того как было создано соответствующее впечатление «всесторонности обсуждения» отчетного доклада, и началась самая оживленная и праздничная часть собрания — вручение премий, почетных грамот, объявление благодарностей. Решения конкурсных комиссий и приказы о поощрениях зачитывал один из вице-президентов. Максудходжаев при этом почему-то насторожился. Публику больше всего интересовали результаты конкурса Академии на лучшую научную работу года — победителям полагались большая денежная премия и пожизненное звание лауреата. Каждый год вокруг конкурса разгоралась оживленная закулисная возня, временами неожиданно выхватывая из тьмы до сих

пор не известные стороны деяний некоторых членов жюри и участников конкурса.

Будучи уже наслышан о результатах конкурса этого года и о церемонии вручения дипломов, я следил за происходящим с неодолимой скукой. Вручали премию группе биологов во главе с сыном Максудходжаева за исследования «начальной стадии формирования микроорганизмов в небереговых районах озера Безводное», высохшего несколько веков назад, и за «прекрасное» обобщение их в толстой монографии. Я вспомнил, что через неделю после вручения премии в сатирическом журнале «Кувалда» был опубликован фельетон, восхвалявший бесподобный талант Максудходжаева-младшего в области плагиата. Спустя еще неделю старик скоропостижно скончался. Все понимали, что его безупречно честное сердце не выдержало откровения о жульничестве единственного сына. («В самом деле,— говорили люди,— не мог же старик предполагать такое. Знал бы, пресек это безобразие в самом корне!») Эта блестящая операция пройдохи-сына положила тем не менее начало его карьере. За плагиат он получил всего-навсего строгий выговор по административной линии, о котором все быстро забыли, зато навсегда присоединил к своей фамилии уточнение — лауреат премии. Ну да, победителей ведь не судят. Сработала даже и кончина отца: ну как огорчить безутешного наследника...

Председательствующий торжественным голосом зачитал решение жюри конкурса, назвав первым Максудходжаева-младшего. Зал зааплодировал. Сейчас пригласят новоиспеченного лауреата, чтобы вручить ему диплом и соответствующие документы для получения кругленькой суммы. Мне рассказывали полгода назад, как все это происходило на самом деле: Максудходжаев-старший с благородной улыбкой наблюдал с высоты президиума, как сын принимал хваткой рукой диплом лауреата. Мудрые глаза, говорят, блестели от светлых слез...

Но тут случилось неожиданное. В центре зала поднялся интеллигентный мужчина в очках и громко обратился к президиуму:

— Товарищ председатель, хотя это против установленных правил, но в виде исключения я прошу, чтобы наш уважаемый вице-президент товарищ Максудходжаев ответил мне на один вопрос, связанный с присуждением премии его сыну.

— Вот тут кончается ваш земной спектакль,— шепнул мне

шайтан,— дальше все пойдет уже по нашему сценарию.

Председатель, наморщив лоб, напустил на себя крайне недовольный вид и с раздражением поинтересовался:

— А вы не могли бы задать свой вопрос после собрания самому Икраму Махсумовичу?

— Нет, я хотел бы задать его сейчас, при всех. Ведь нашему многоуважаемому Икраму Махсумовичу нечего бояться, не правда ли?

Председатель повернулся к членам президиума и беспомощно развел руками — мол, вынужден уступить просьбе из зала.

— Уважаемый Икрам Махсумович, скажите, пожалуйста, почему вы настаивали на проведении этого собрания ровно на неделю раньше назначенного срока? — произнес настойчивый товарищ из зала.

— У Икрама Махсумовича путевка на курорт, срок которой начинайся с сегодняшнего дня. Из-за этого собрания он уже теряет день отдыха. Если бы мы назначили собрание через неделю, он опоздал бы на целых восемь дней. Вы удовлетворены? — за старика ответил председатель, явно разочарованный слабостью и, как ему показалось, беспредметностью вопроса.

— Икрам Махсумович не собирался ехать к морю. Два дня назад он по этой путевке отправил туда свою дочь с любимым зятем. А переноса собрания на неделю раньше времени он добился, чтобы опередить выход в свет этого номера «Кувалды».— Мужчина вытащил из внутреннего кармана пиджака корректуру фельетона.— Здесь напечатано о научных достижениях Максудходжаева-младшего, за которые вы ему сегодня присудите премию. Совершенно пустая тема, к тому же стопроцентно доказанный плагиат. Наш выдающийся лауреат, оказывается, создал свой труд испытанным методом, который среди учащихся средних школ известен под названием «скатать». Будучи прекрасно информирован обо всем, Икрам Махсумович после неудачных попыток снять фельетон — он был уже набран и слишком много людей о нем знали — решил хотя бы опередить его выход. Ведь потом, после присуждения, вы не отмените лауреатство, хоть напечатай десять фельетонов. Таким образом, мощный импульс для будущей карьеры бездарного сына обеспечен.

В этот кульминационный момент Максудходжаев вдруг как-то обмяк, уронил голову на стол, а затем и вовсе свалился со стула.

Дальше была суета с машиной «скорой помощи» и озабоченная возня белых халатов. Собрание само собой закрылось. Потрясенные

сотрудники тихо расходились, обсуждая происшедшее.

— Он ведь один раз уже умер от разрыва сердца, почему вы здесь повторяете эту смерть? — спросил я шайтана.

— Там, у вас, этот уважаемый аксакал сидел в президиуме до победного конца, хотя внутри у него, как говорится, кошки скребли. Он не был публично разоблачен и унижен, а наоборот, с достоинством принимал поздравления в связи с награждением сына. Самым же страшным для него была публичная огласка.

Мне было жаль старика и в то же время стыдно за него. Какую внутреннюю чистоту и бескорыстие ему приписывали! Опять люди оказались одураченными. Мыто считали, что он скончался, не выдержав позора за поступок сына.

— Завтра все здесь начнется сначала,— вздохнул шайтан, выходя из зала.

* * *

После президиума шайтан потащил меня в другой конец города. Но мы сразу попали в транспортный «пик». Он был так реально воспроизведен, что в течение получаса мы не могли сесть ни в один вид транспорта.

Я не стал спрашивать о цели нашей поездки. Авторитет моего проводника так вырос в моих глазах, что я уже лишний раз опасался выглядеть перед ним дураком.

Мы вышли из автобуса у современного здания Института хирургии и беспрепятственно пробрались до операционной.

Белый кафель, массивные осветители и изящные приборы с зеркальным никелем не радовали здесь глаз; сверкающая чистота, блеск никеля тут наводят чувство холодного ужаса от предстоящего скоро разрушающего прикосновения металла к самой нежной, отточенной природой в течение тысячелетий ткани высшего организма, лишний раз напоминая о хрупкости и уязвимости нашей плоти.

В операционную плавно вкатили каталку-кровать с больным. Медсестры спешно готовили его к операции.

— Узнаешь? — спросил шайтан.

— Нет.

— Ничего, сейчас вспомнишь. Его дела напомнят. Вряд ли был другой человек, способный на такое.

— Что за дела такие?

— Потерпи, скоро увидишь.

— Слушай, он же в полном сознании! Неужели его так и будут оперировать? — спросил я.

— Ты что, хочешь, чтобы у нас нормально работала служба анестезиологии? Забыл, где находишься?

В операционную энергичной походкой, на ходу давая четкие и отрывистые распоряжения, вошел могучего сложения профессор в сопровождении ассистентов. Он наклонился над больным.

— Ну, родимый, если не случится ничего непредвиденного, что часто у нас бывает,— при этом профессор странно покосился на светильник,— за какие-нибудь час-два мы наведем необходимый порядок в твоих внутренностях. Не бойся, боли, которые ты почувствуешь, самые незначительные, без них нам просто не обойтись. Но обещаю тебе не делать ни одного лишнего разреза... если все будет в порядке, естественно,— профессор опять почему-то покосился на огромный светильник.— Скальпель!

Что было потом?!

Под тяжкие стоны и скрежет зубов больного хирург начал операцию. Я отвернулся, чтобы не видеть крови.

— Это ваша очередная казнь?

— Это пока операция, казнь впереди.

Вдруг в операционной стало темно.

— Ну вот, опять отключили свет,— раздался голос хирурга.— Дорогой, прошу, потерпи немного... Эй вы, кто-нибудь, сбегайте к дежурному электрику. Звонить бесполезно, он уже, наверное, наакался спирта.

В темноте шла какая-то возня на операционном столе. Тихо звенели зажимы, которыми был усеян разрез на животе больного. Он глухо стонал.

— За что его так? — спросил я шайтана.

— А за то, что эта, мягко говоря, подлость изобретена и внедрена в жизнь им. Мы просто воспользовались его патентом.

— Кто же он, в конце концов?

— Бывший директор этого института. Чтобы скомпрометировать и избавиться от своего главного конкурента, работающего здесь же, он

не раз во время его самых сложных операций отключал свет, предварительно напоив электрика.

Я вспомнил эту историю. Преступника разоблачили и... всего-навсего сняли с работы. Говорили, у него хорошие связи.

— Оперирует его как раз тот самый конкурент, который вдоволь хлебнул горя из-за директора.

— Уведи меня отсюда скорее!..

* * *

— Прежде чем пригласить тебя к нам, мне следовало бы проверить состояние твоих нервов,— сказал шайтан, когда мы покинули Институт хирургии.— По-моему, ты уже готов бежать к своим.

— Все-таки почему вы создали здесь точную копию нашего мира? — спросил я, когда мы устроились на скамейке в чахлом скверике напротив института.

— Тебя опять разбирает любопытство. Что ж, давай поговорим. Ты должен был видеть, что страдания последних двух казнимых более тяжкие, чем у тех, кто у нас из древности, из веков, именуемых вами мусульманским мракобесием. Человеку все-таки легче, когда он точно знает, что его ожидает впереди, пусть даже самая страшная казнь.

— А надежда? Ведь тех, кто точно не знает своей участи, до последней минуты будет поддерживать надежда* Согласно, это облегчает страдания.

— Для нее здесь места совершенно не оставлено. Казнимые знают это. Короче, твои современники переживают здесь страшные душевные страдания помимо обычной физической боли.

— Не хочешь ли тем самым сказать, что в наше время грешат...

— Да, да, считаю, что грешат больше,— прервал он меня,— по крайней мере, среднестатистическое количество греха на душу населения нисколько не уменьшается за все время моей сознательной жизни.

— Чушь! — не выдержал я.— Человечество все больше и больше совершенствуется. Его разум охватывает новые высоты этики, эстетики...

— ...косности, изощренной изворотливости, корысти,— прервал меня он.— Ну, что, продолжим перечислять? Слушай, шайтан, миллионы людей живут на Земле, особенно в нашем обществе, имея

нормальное питание, самые необходимые права. Пользуются фантастическими возможностями технического прогресса. Факторы, еще вчера приводившие к несправедливости и неравноправию...

Он опять не дал мне договорить:

— Да, возможности расширились. Но и причины несправедливости — тоже.

— Ты считаешь, что человек страдает, как и тысячи лет назад? И зла на Земле столько же?

— Несомненно.

— В этом ты меня никогда не убедишь!

Шайтан пожал плечами.

— Литературу не читаешь, сочинения древних авторов, а еще ученый...

Он немного посидел молча, отвернувшись, потом через плечо заворчал:

— Вспомни хотя бы твоего Данте. У вас ведь та же возня между людьми, что и при его жизни, только формы изменились. Именно поэтому вы не имеете средств борьбы. Когда они появятся, причины зла предстанут уже в ином облике... Сейчас я тебе кое-что покажу. Давно известно: когда хотят по-настоящему насладиться страданиями врага, его не уничтожают физически, а сделав бесправным, постоянно издеваются, временами проявляя уничтожающую снисходительность. Этот метод стар, как мир. Так вот, тут недалеко казнят одного особо отличившегося в этом деле. Наши вычислили на компьютере самое подходящее для него наказание. Тебе это должно понравиться.

— Крови не будет?

— Нет, нет. Ведь у вас теперь кровопускание считается примитивом.

Скоро мы уже входили в здание с вывеской «Институт прикладной физики». Там шли какие-то спешные приготовления. Сотрудники суетливо бегали по длинным коридорам. Нервно ходил директор, всем своим видом напоминающий завмага, которому удалось случайно пронюхать о грозящей ему ревизии. Он нетерпеливо подгонял сотрудников, как гоняют продавцов, чтобы свести концы с концами в кассе, выставить глубоко запрятанный дефицит.

— Готовятся к неожиданному визиту академика с мировым именем. От одного его слова зависит многое в дальнейшей карьере директора,— пояснил шайтан.

Длинный стол для совещаний в кабинете директора был накрыт, как на дипломатическом приеме. В кабинет вперемежку вносили то груши в вазах, то макеты приборов, которыми директор собирался похвастать перед высоким гостем.

— Приехали,— донесся чей-то шепот из коридора, п. Директор с быстротой, не по возрасту и комплекции, ринулся к выходу.

Через несколько минут он вошел обратно, поддерживая под руку глубокого старца в очках. Я даже ахнул от происшедшей перемены. Старика вел уже совершенно другой человек. От свирепости и раздражения на лице не осталось и следа. Застывшая заискивающая улыбка, добродушная кротость. Я вспомнил нашего Алима Акрамовича, оставшегося в другом мире. Не только Овидий позавидовал бы такой метаморфозе.

Все расселись по заранее указанным местам. Директор бережно усадил старика и, налив ему пиалу свежесваренного чая, предложил отведать фруктов. Тут же глубоко прочувствованно начал расспрашивать о здоровье. Затем под благодушное кивание высокого гостя перешел к рассказу об истории создания института, при каждом удобном случае упоминая о своем «скромном» вкладе. Когда речь касалась кадров, он кивал на свою «респектабельную» свиту, сидящую за столом, называл их фамилии и умело подчеркивал, что им надо помочь в научном остепенении, продвижении. Потом начался нудный рассказ о научных направлениях, достижениях института.

— Это нас не интересует, так же как и старика, который прекрасно знает, что никаких достижений у института нет,— сказал шайтан.— Но ему надо все это выслушать по долгу службы, а я тем временем введу тебя в курс дела, в связи с которым устроен здесь этот сыр-бор.

Видишь, у стены в углу скромный молодой человек с блокнотом. Это ученый секретарь института. Талантливый физик-экспериментатор. Когда он блестяще защитил диссертацию, директор увидел в нем большую опасность для себя. Сразу стало ясно, что этот человек не будет работать на него и, мало того, в будущем, если наберет вес в научном мире, может сильно помешать «респектабельным», которые как раз работают на него. Дальновидный директор решил нейтрализовать его пока не поздно. В те дни он искал замену на место выжатого, как лимон, и смещенного с поста очередного ученого секретаря института. С его опытом ничего не стоило внушить жертве, насколько почетен этот пост, как нужен всему коллективу. Тем

более, жертва, до тех пор занятая наукой, не совсем представляла чисто канцелярский характер этой должности. И уж совсем не подозревал молодой ученый, что всех, кто побывал на ней, директор обычно подминал под себя, превращал в своего личного секретаря. Любой клочок бумаги, несущий подпись директора, включая его личные документы, должен был составляться ученым секретарем, который между делом обязан был еще готовить для внешнего мира всю информацию о деятельности института, непременно придав ей положительную окраску — при любом положении дел.

Жертва, несмотря на свою чудовищную наивность, все же проявила некоторое сопротивление — видимо, сработали слабые следы инстинкта самозащиты. Но «доводы» директора и активно поддакивающей ему в любом деле «респектабельной» группы, как всегда, были неотразимы: высокая эрудированность выдвигаемого, интересы института... Наконец был сделан самый важный ход — некий отвлекающий обманный маневр — молодому человеку обещали сохранить его экспериментальную группу, чтобы в свободное от секретарства время тот занимался и наукой. Это окончательно обезоружило наивного товарища, и он сдался.

Дорого обошлось согласие новоиспеченному ученому секретарю. Его быстро и умело завалили рутинно-бюро- кратической работой, а потом, как и следовало ожидать, принялись критиковать, сперва мягко, а потом все серьезнее, за нерасторопность. Будучи добросовестным по природе, он, не желая «нанести ущерб общеинститутским интересам», все меньше и меньше посещал свою экспериментальную группу, от чего работа там скоро замерла. Директору того и нужно было. По его команде давно предвкушавшие этот момент «респектабельные» на одном из семинаров обрушились на ученого секретаря, который, «пользуясь своим служебным положением, держал неработающую экспериментальную группу и этим разбазаривал государственные деньги». Потом в институте начали планомерно формировать мнение, что ученый секретарь — не человек науки, а прирожденный бюрократ. Экспериментальная группа сама по себе распалась. Теперь уже, чтобы держать секретаря в надежной узде, достаточно при каждом удобном случае выражать недовольство, раздражение его работой, мало того,— время от времени с наигранным возмущением предлагать ему написать заявление об уходе по собственному желанию. Это и делается безукоризненным образом по сей день,— заключил шайтан.

— Почему же он не плюнет на них и не уйдет? — возмутился я.

— Его сильно напугали, надломили. Он сейчас совсем не уверен, что в другом месте нужен кому-нибудь для науки.

— Короче, это человек конченный?

— Потерпи, сейчас увидишь кое-что интересное,— кивнув в сторону стола заседаний, сказал шайтан.

— Я, кажется, утомил вас, дорогой Глеб Романович? Уже заканчиваю. Если вас интересуют подробности, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы,— говорил директор.

— Спасибо, я удовлетворен. Мне понравилось, что у вас в институте ведутся очень полезные прикладные работы и в то же время вы не забываете о серьезных фундаментальных исследованиях,— отозвался старик.

Лицо директора расплылось в улыбке. Шутка ли, его похвалили за «полезные прикладные исследования» и за какие-то «фундаментальные работы», оставшиеся тайной даже для него самого! Но не следует обращать внимание на небольшую неточность в оценках рассеянного старика, тем более, что она в пользу директора...

— А теперь,— сказал старик, вдруг оживая и почему-то повернув голову в дальний угол кабинета,— я хотел бы, если вы позволите, поговорить вон с тем молодым человеком, вашим ученым секретарем. Садитесь, пожалуйста, к нам, Адхам Каюмович,— сказал старик, указывая на свободный стул напротив себя.

Все в кабинете даже вздрогнули. Особенно поразился директор: действительно, откуда мог знать всемирно известный Глеб Романович об этом его сотруднике, которого он сам никогда не называл по имени-отчеству? Но приходилось верить происходящему — ученый секретарь встал и, как ни странно, без трепета подойдя к столу, сел на предложенное место.

— Адхам Каюмович,— запросто заговорил с ним старик, как со старым знакомым, еще больше удивив сидящих,— каким должен быть спектр реликтового излучения по вашей модели в окрестностях нашей галактики?

— Он отличается всего на десять процентов по ширине линии от результатов последних измерений Роды-гина. Это вполне укладывается в пределы возможного статистического искажения, вносимого межзвездной средой.

— Значит, сотни тысяч мегапарсек для вашей модели не страшны?

— Совершенно. Думаю, расстояния здесь существенной роли не играют, если правильно учитывать поправки Дэвиссона на искажения, вносимые межзвездным водородом. Если принять мою модель, то вся обозримая Вселенная вполне удовлетворительно описывается системой макроквантовых уравнений. Некоторые расхождения с данными Крымского телескопа, мне кажется, следствие неточности оптических измерений этого диапазона.

Старик выдержал небольшую паузу, потом, взглянув на собеседника, энергично заговорил:

— Вы, наверное, знаете, что пока только мое вето закрывает большую дорогу вашему методу. Астрофизики и большинство специалистов по теории поля, заразившись вашей идеей, уже кинулись вычислять угловую зависимость постоянной Хаббла и распределение плотности материи в ближайших скоплениях по квантовым уравнениям. А меня, пожалуйста, убедите вот в чем...— старик потянул к себе лист бумаги.

— Ты что-нибудь понимаешь во всем этом? — шепнул шайтан.

— Нет. В астрофизике я профан.

— Да нет, не об этой арифметике я спрашиваю. Происходящее здесь тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— Перед тобой — изощренная казнь. Скоро поймешь, кто жертва.

Я оглядел зал и увидел поразительную картину. Присутствующие застыли в разных позах, следя за спором старика с их ученым секретарем. Сейчас можно было точно определить — кто приятно поражен происходящим (такие оказались в меньшинстве), кто смотрит на споривших и на директора со злорадством, кого раздражает нездоровое любопытство, кто срочно пересматривает свое отношение к присутствующим и, наконец, кто явно убит происходящим.

Бесподобная маска застыла на лице директора. Будто он только что сжевал стручок жгучего перца, но обязан через силу улыбаться. Красный, как рак, с глупой улыбкой на лице, он пытался делать вид, что внимательно, с пониманием слушает научную беседу.

— На самом деле,— наклонился ко мне шайтан,— перед его глазами проходят страшные сцены травли ученого секретаря. В то же время его «стратегическая» голова отчаянно пытается установить, не проворонил ли он самую крупную добычу в жизни — фундаментальную работу, руководителем которой мог оказаться! И

наконец, он лихорадочно перебирает возможные последствия, если тот жалкий, терроризируемый им ученый секретарь вдруг станет знаменитым. Чем это обернется для него? Вот какой кавардак сейчас у шефа в башке.

— Так, так, теперь понимаю, почему у вас получилась такая прекрасная увязка. Критерии предельного перехода вы, молодой человек, видимо, выбрали очень удачно...— Старик задумался.— Ну, что ж, хотя некоторые моменты я намерен еще проверить, но интуиция подсказывает мне: вам, уважаемый коллега, кажется, удалось сделать самую крупную вещь за последние двадцать пять лет в этой области. Да, да! — Старик вдруг бодро повернулся к растерянному директору.— Вот важнейшие достижения вашего института. А вы почему-то говорите мне о каких-то мелочах.

— Это он о диссертациях «респектабельных»,— шепнул мне шайтан.

Директор начал было что-то лепетать, но старик уже опять повернулся к ученому секретарю.

— Адхам Каюмович, я вас прошу, выкладки и результаты вашей работы оформите в соответствии с требованиями к докторским диссертациям и пошлите мне. Я постараюсь уладить формальности. И в следующем месяце мы вас вызовем на заслушивание. Работа ваша даже на этой стадии стоит сотни докторских! Астрофизики института уже признали ваш метод и решили представить вас к Государственной премии. Так что,— обратился он к директору,— незамедлительно пошлите туда рекомендацию вашего Ученого совета.

Директор, уже покрытый холодным потом, мгновенно ухватился за соломинку. Старик сам подсказал ему выход из создавшегося положения. Теперь, кажется, можно будет оправдаться и далее втереться в соавторство.

— Дорогой Глеб Романович, мы обязательно рассмотрим работу на Ученом совете и, думаю, пошлем хорошую рекомендацию! Мы сделали бы это давным-давно, если бы Адхам Каюмович, которого мы очень уважаем, относился к коллективу института доверительнее и товарищески. Дело в том, что и я, и все сидящие здесь впервые слышим про эту замечательную работу, а то бы подключились, помогли довести...

— Не слышали, потому что не хотели слышать,— отрезал старик.— И настоятельно советую больше не мешать Адхаму Каюмовичу делать

полезнейшую работу. Освободите его от административной работы. С секретарством, я думаю, прекрасно справится кто-нибудь из этих молодых людей,— качнул он головой в сторону окаменевших «респектабельных».— А насчет странных, мягко говоря, ненаучных порядков во вверенном вам институте я вынужден буду доложить в соответствующие инстанции. Засим разрешите откланяться...

— Мы тоже можем смываться. Дальше все пойдет стандартно. Директор через два дня испустит дух от разрыва сердца: не переживет своего падения. Этот тип людей не выдерживает такого обращения с собой. Чем больше достойны они разоблачения, тем сильнее переживают крах. Один из парадоксов человеческой природы.

— Неужели они не каются хотя бы перед собой, наедине?

— Самобичевание у них сводится приблизительно к такой форме: «Десятилетиями мне без особого труда удавалось держать нос по ветру и всегда находиться на гребне жизни. Как же я ошибся на такой мелочи? Если бы я раскусил ее вовремя, она, оказывается, могла бы меня обессмертить, озолотить...» Но дело не в этом,— продолжал шайтан, уводя меня все дальше от Института прикладной физики.— Ты только что видел, как расправился этот директор с потенциально опасным для него человеком. Он не стал избавляться от возможного соперника, а просто сделал из него полезного для себя раба. Можешь мне поверить — этот метод существует с незапамятных времен. Как-то раз, около трех тысяч лет назад, меня на месяц командировали в Месопотамию, во дворец могучего ассирийского царя Сарданапала, для работы с литературой. У него ведь была самая лучшая библиотека по тому времени. Так вот, однажды Сарданапал вернулся из очередного военного похода на взбунтовавшийся Вавилон и привел в цепях бесчисленное множество пленных. Самых талантливых, особенно тех, кто покушался на его власть, он, против моего ожидания, не казнил, а велел держать во дворце на довольно унижительных ролях. Я видел, как он эффективно эксплуатировал способности этих людей. А ты пытаешься втолковать мне, что человечество избавляется от пороков! Люди и сегодня умеют заставлять истинные таланты работать на себя, только, я бы сказал, они научились делать это с большим изяществом, чем какой-то там древний царь.

— Да, но в этом хотя бы случае справедливость все-таки восторжество...— я осекся.

— Вот именно,— ухмыльнулся шайтан.— На самом деле этот

директор безнаказанно проработал в институте до самой дряхлости, спокойно высасывая кровь таких, как этот ученый секретарь. Визит академика был на самом деле, но старик ушел из института с самыми приятными впечатлениями о любезном директоре. Академик был когда-то большим ученым и хорошим наставником молодых, но система сделала-таки его равнодушным. Никакого разговора с Адхамом Каюмовичем не было.

— Но если тот действительно создал нечто оригинальное, то разве его это могло навсегда оставить в неизвестности?

— Не создал он ничего серьезного, да и не мог создать, при всей его одаренности. Даже гений в подобных условиях обречен!

* * *

ДЕПАРТАМЕНТ ЗЕМНЫХ ДЕЛ — было выведено золотыми буквами на вывеске внушительных размеров. Шайтан наконец ввел меня в давно обещанное управление.

Тяжелая многоэтажная громадина, отстроенная в псевдоклассической манере, чувствовалось, жила оживленной жизнью. Массивные двери открывались и закрывались, издавая совершенно земной скрип. В отделанном мрамором вестибюле висела карта-указатель, показывающая, что где находится. Судя по карте, департамент делился на отделы, секторы и группы, которые имели специфические признаки соответствующих народов, государств и идеологий.

— Я работал здесь и вначале был счастлив,— говорил шайтан.— Сюда устроиться так же трудно, как, скажем, на Земле в ЦРУ. Сам понимаешь, хороший оклад за грязную работу, поездки, различные привилегии. К нашему стыду, сам департамент создан по образцу той же организации — видать, не удалось придумать ничего лучше. Ну, говори, в какой отдел ты хочешь пойти?

— Естественно, меня интересует, что вы замышляете нового по нашему институту. Какое мне дело до ваших интриг, например, на золотодобывающих приисках где-нибудь на юге Африки.

Шайтан озадаченно закусил губу.

— Хочешь в мой отдел? Я бы не хотел встретиться там с нашими... Впрочем, ладно, вломимся прямо к заву.

— А нас примут? — спросил я, умудренный многолетним опытом

томительного времяпрепровождения в различных приемных.

— Наш зав в душе трус, как и многие надменные властолюбцы. Его громы и молнии предназначены только для подчиненных. Посторонних же, каковым являюсь я после своего исчезновения, он принимает с опаской, смешанной с любопытством.

— Как же ты собираешься поддерживать с ним разговор? Ведь он сразу раскусит, что от тебя нет никакой пользы. У нас, например, деловые люди не любяг разводить беседы с такими посетителями. Ваши вряд ли уступают им в этом.

— Сейчас все устрою. Ты только подожди здесь минуточку.— С этими словами шайтан исчез в боковом коридоре, куда указывала табличка со стрелкой — «Буфет». Действительно, через минуту он вернулся с фирменным полиэтиленовым пакетом.

— Бутылочка «Арамейского» и закуска,— сказал он шепотом.— Это из буфета для высшего персонала департамента. В магазинах, ясно, этих лакомств не найдешь— дефицит. А у меня там знакомая буфетчица...— подмигнул он.— Как и многие высокооплачиваемые, мой бывший заведующий привык радушно поддерживать любую компанию, когда сервировка не за его счет.

Секретарша только успела надменно сложить губы, чтобы спросить, что нам здесь нужно (у земных секретарш тоже особый нюх на «нужных» шефу посетителей, а прочих ожидает подобный унижительный вопрос), шайтан сунул ей в крашенные когти плитку шоколада и потянул двери зава, снова подмигнув мне.

— А-а... беглец объявился? Долго же ты пропадал! — Не давая ответить моему проводнику, зав с притворным огорчением поспешил сообщить: — К сожалению, твое место уже занято. Сам понимаешь, мы не могли держать его столько времени вакантным. Ты за расчетом?

Зав на меня совершенно не реагировал, я, видимо, оставался для него незримым.

— Не утруждайте себя оправданиями, шеф, я сюда больше не вернусь. Заглянул, чтобы поболтать о новостях. Исход кое-каких операций, проводимых в отделе, меня все-таки еще интересует,— отвечал мой шайтан, удобно расположившись в мягком кресле.

— Может быть, зайдешь в другой...— осторожно начал было шеф, но осекся, увидев горлышко темной бутылки, искусно высвобождаемой из пакета ловкими руками шайтана.

В толках о служебных дрызгах, о тупости начальства, бестолковости

подчиненных выпили полбутылки «Арамейского». Заведующий становился все разговорчивее.

— Как идут дела в моем институте? — спросил наконец шайтан, удостоверившись, что шеф уже достаточно хорош, чтобы плюнуть на собственные служебные тайны и их соблюдение.

— О-о-о, твой институт — это уникальный объект. Между прочим, мы ведь предлагали тебе райскую жизнь. Не вмешиваться в их дела, только наблюдать, не забывая вовремя получать зарплату. А ты обиделся на нас, как мальчишка.

— Вы меня не проведете. Будь по-вашему, я там просто деградировал бы, а потом, в один прекрасный день, при необходимости, вы в два счета вытурили бы меня отсюда за полную несостоятельность. А я хотел расти...

Глупец,— по-отечески заботливо возразил шеф,— как ты не понимаешь? Ведь какую-нибудь стоящую выходку твоих подопечных ты мог переоформить как следует, козырять ею на выборах в Большой совет, мог в конце концов оформить диссертацию на ее основе. В твоём институте, например, только так и делают. Думаешь, растёт тот, кто умный и выдает идеи? Ничего подобного. Мой тебе совет,— зав положил руку на плечо бывшего подчиненного,— если хочешь расти, будь в первую очередь послушным и чутким к желаниям начальства. Не жди, когда оно попросит тебя о чем-то, угадывай сам то, что ему нужно. Тогда никакие идеи не нужны. Гарантирую — будешь расти.

— Ну, ладно, поразмыслию на досуге. Лучше расскажи, как там дела? — шайтан указал наверх.— Меня любопытство разбирает, все-таки дело-то для меня было кровное.

— Ну, что ж... В самом главном мы оказались правы. Бывшая твоя группа только тем и занимается, что наблюдает за ними,— зав указал туда же.— Мы сделали несколько попыток вмешаться в их дела, но, надо признать, то, чего мы добились, меркнет на фоне их деяний. Этот Алим Акрамович просто великолепен, мастер своего дела! Мне бы такого сотрудника. Потрясающие номера выкидывает! Помнишь его «Правую руку»? Так вот, шеф наконец решил дать «Правой руке» возможность пробить себе долгожданную степень доктора.

Ты думаешь, он начал с того, что стал указывать своему избраннику на оригинальные научные направления, мудро корректировать его выводы, гипотезы? Ничего подобного! Для этого самому надо бы вспомнить, что давно позабыл... Нет, директор стал методично, тонко

внедрять мнение, будто Расул, как там его, кажется, Сагдуллаевич, вполне созрел для защиты докторской. И очень скоро сотрудники института начали открыто возмущаться: почему, мол, такому заслуженному, энергичному и давно созревшему ученому никак не дают возможности немного заняться своими личными делами? А директор при этом с глубоким вздохом разводил руками и объяснял, что бедняга «Правая рука», будучи замом по науке, перегружен административной работой, дескать, он жертва, принесенная ради процветания общеинститутских дел. Сам «Правая рука», потупив взор, выражал молчаливое согласие с этим: да, я жертва. При этом никому в голову не приходило: а есть ли у «Правой руки» что защищать? Вот пример блестящего одурманивания публики!

Мнению дали расползтись и за пределы института. В первую очередь в объятия этого «спрута» попадали именитые ученые, по какой-либо причине оказавшиеся в институте или хотя бы в этом городе. Гость усиленно обхаживался, обслуживался, прокатывался по историческим местам, разумеется, за счет института. И гость уезжал с мыслью, что этот обаятельный человек действительно современен, энергичен, оперативен, эрудирован. Почему бы не поддержать его в предстоящей защите!

Зав говорил вдохновенно, все больше и больше увлекаясь. Мой проводник слушал его, окутанный сигарным дымом.

— Самое страшное впереди. Мы сделали попытку перемешать карты Алима Акрамовича. Нас интересовал такой чисто познавательный вопрос: как будет он реагировать на неожиданное препятствие? Пришлось внушить руководству Академии мысль проверить институт по финансовой линии. Нагрянула ревизия, начали всплывать нарушения, злоупотребления, неточности и так далее.

Несмотря на все увертки директора и его свиты, не удалось уйти от признания нескольких, мягко говоря, нарушений. Встал вопрос об увольнении «Правой руки».

— А вы, конечно, обрадовались дешевому успеху? — вставил шайтан. (Я, естественно, очень удивился этим новостям. Все это случилось после нашего сошествия в подземный мир. Неужели я так долго нахожусь здесь?)

— Еще бы, вначале было от чего потирать руки. Но недолго мы радовались. Директор пустил в ход свое дьявольское умение лепить победу из теста поражения. Явился с покаянием в Президиум и,

виртуозно сыграв роль человека, понявшего свои ошибки, обещал немедленно снять «Правую руку» с поста зама... и наконец дать бедняге, павшему жертвой своей «ученой рассеянности», возможность готовиться к защите якобы давно уже завершённой диссертации. Вот что можно назвать триумфом! Ну, а почва под все это, как ты уже слышал, была заложена.

— Да, здорово они утерли вам нос, шеф,— расплылся в улыбке шайтан.

— Не говори, нигде мы не терпели такого фиаско!

— Это мне знакомо,— задумчиво произнес шайтан, вероятно, вспомнив наш провал на защите кандидатской диссертации.— Но как же они дальше продвигали эту несуществующую научную работу?

— После катапультирования из кресла зама «Правая рука» исчез из института приблизительно на полгода. Правда, исчез он для сотрудников института. Мы же выбились из сил, стараясь не отставать от него в разных городах страны. Он с поразительной быстротой выходил на научные авторитеты, с удивительной уверенностью рассказывал о своих «оригинальных экспериментах», загадочных, пока еще необъяснимых результатах и, под видом дискуссий, обсуждений и консультаций, выводывал ценную информацию, создавая в их сознании образ своей «работы». Подход у него сугубо индивидуальный. Кого он ошарашивает восточной любезностью, кого — диковинными гостинцами из дальних краев...

— Больше не делали попытки перепутать им карты? — ехидно поинтересовался шайтан.

— Все это кончилось тем,— продолжал изливать душу зав,— что «Правая рука» вернулся в институт и исчез еще на два месяца, чтобы состряпать из собранных во время длительного турне обрывков сведений и идей толстый талмуд. Еще через месяц он защитился.

Шайтан хохотал слишком долго, наверное, чтобы сильнее кольнуть бывшего шефа.

— Ты не очень-то! — надулся задетый за живое зав.— Думаешь, нам не известны твои детские выходки? Мы тут умирали со смеху, наблюдая, как ты связался с этим размазней, как его там... в общем, с одним из тех несправедливо притесняемых, каких на земле ходит несметное множество. А кустарщина, которой ты занялся под его руководством? Позор! Разве так надо работать, да еще с человеком, который и за себя-то не может как следует постоять? Нет, извини, но

при всем уважении скажу: не тебе над нами смеяться!.. Ну, а если быть честным, надо признать, что по части всяких выдумок мы еще не доросли до уровня человека,— с раздражением бросил звз.— Но я, тем не менее, настроен оптимистично. Еще немного — и мы будем надежно управлять ими. Взять хотя бы этого типа, с которым ты связался. Он уже почти готов. Озлоблен на свое окружение, получил представление о технике интриг. Как только наберется достаточно опыта, начнет работать самостоятельно. Через таких и будем проводить свою политику.

«А ведь он прав: с отчаяния я был, кажется, уже и сам готов на любую ответную подлость»,— с ужасом успел осознать я.

— Ну, давайте, давайте,— усмехнулся шайтан,— посмотрим, что у вас получится. А как обстоят дела в других отделах? — спросил он, видимо, желая устроить мне экскурс по отделам департамента.

— Естественно, у всех свои трудности... На днях заведующий южноамериканского региона бахвалился, что только за последний год у него на счету два военных переворота, три организованных похищения со взломом и убийствами... Так вот, чихать я хотел на эти его дешевые успехи. Хоть и трудно, но мне по душе работа с более уважаемой и изощренной публикой. Не люблю я крови... Сейчас у меня на примете одно министерство со слаженным коллективом, безукоризненными успехами. Это стало бы делом моей жизни. А там можно уходить на заслуженный отдых... Для этой работы мне нужны тертые ребята. Не хотел бы вернуться в отдел на более выгодных условиях?

— Там видно будет. Ну, а как дела у высшего начальства?

— А, ничего интересного. Шефу опять удалось удержаться,— с нескрываемой злостью ответил зав.

— Как?! Ведь еще при мне дело шло к полному отвалу.

— Нам надо учиться у него, дорогой мой. Думаешь, он не предпринимал контрмер?

— Но всякое безобразие имеет границы...

— Зеленый ты еще. Помнишь заведующего отделом новых методов и средств? Талантливейший, но, согласись, тряпка. Что ни день — кидает очередную идею. Его статьи об оригинальных системах психологического воздействия на людей — просто шедевры. Многие паши бездари питаются с его бесхозяйственного стола — попросту крадут у него идеи, оставляя его с носом...

Так вот, в последние полгода эгог тип носится с идеей создания какой-то невероятной мощности и быстрогодействия компьютерной службы, моделирующей оптимальные режимы воздействия на помыслы людей. Эту идею, естественно, никто у него не крал, так как было ясно, что надо пробить огромные средства, шта ы и дорогостоящее оборудование. А для этого мало одной пробивной способности, которую нашим не занимать. Надо еще во всех инстанциях компетентно провести разъяснительную работу, убедить в целесообразности предприятия. А кто у нас блещет знаниями в кибернетике, чтобы сделать это, кроме самого автора идеи?

— Да, но пока я еще не слышал, чтобы с помощью одной только эрудиции что-нибудь пробивали,— возразил шайтан.

— Представь себе, он пробил. Ему было обещано около ста миллионов!.. Но он о каждом своем шаге подробно информировал шефа, святая простота. Тот вовремя усек, что речь идет об открытии, которое будет весомей работы всех остальных подразделений департамента вместе взятых и со временем полностью поглотит его. При таком обороте дел трудно было рассчитывать удержаться в своем кресле. И вот он предпринял ход, который до сих пор приводит в восторг его подхалимов и заставляет трепетать от страха остальных.

— Подсек инициатора на каком-то этапе и окончательно провалил дело в последний момент? Известный прием, что тут удивительного?

— Все ожидали именно этого. Но он не стал пачкать себя банальными приемами, а подкараулил и, точно определив момент, когда дело в принципе решилось и пришел черед оформления документов с именами и подписями, попросту отобрал работу.

— Как?! — шайтан разинул рот.

— Очень просто. Один на один с автором твердо заявил, что тот будет участвовать в работе как консультант, если понадобится, а отобрал он дело исключительно из соображений секретности и производственных интересов — дескать, нельзя рисковать исходом такого важного и крупномасштабного предприятия, на которое выделяются огромные общественные средства, поручив его кому-то, им должен заниматься он сам. И предупредил об ответственности за утечку информации. Бедный зав новыми методами и средствами вышел из кабинета, как побитая собака.

— Но шеф провалит эту работу! Он же не специалист!

— Ну и что? Любая разработка должна давать результаты через

шесть-семь лет. К тому времени шеф с почетом уйдет на пенсию.

Мой шайтан, уж на что пройдоха, слушал, открыв рот.

— Ну, хватит сплетничать о шефе. Вернешься к нам? — напомнил о своем предложении заведующий.

— А что я буду с этого иметь? На что мне у вас рассчитывать? Я ведь теперь не мальчишка, чтобы быть на побегушках. Мне нужны свои сотрудники, персональный транспорт. Сможете устроить?..

* * *

Проснулся я, как обычно, в шесть утра — от ржавой трескотни до тошноты надоевшего будильника. «Сегодня же выброшу этот трамвайный колокол, куплю что-нибудь более мелодичное», — подумал я, прекрасно зная, что и завтра, и через месяц эта же трескотня будет поднимать меня с кровати и кидать в объятия неуютной жизни.

Кровать... Вспомнился вчерашний день (если его вообще можно назвать днем).

Шайтана моего купили. Ему было обещано все, чего жаждет душа карьериста, и он тут же забыл свои обиды на департамент, свою «борьбу из-за принципа». Скрепив договор остатком «Арамейского» и расчетливо-деловитым лапопожатием, шайтан поспешно покинул кабинет заведующего. Я с трудом догнал его.

— А, извини, забыл про тебя, — сказал он с оттенком надменной рассеянности в голосе. — Ну, что ты еще хочешь посмотреть у нас? — нетерпеливо спросил он, ясно дав понять, что на мою дальнейшую судьбу ему, мягко говоря, наплевать.

— Отправь меня обратно. Теперь мы с тобой в противоположных лагерях.

— То есть как? — снисходительно посмотрел он на меня.

— Очень просто. Я многое понял. Теперь знаю, как и против чего надо бороться.

— Ты? — шайтан издевательски расхохотался. — Ты будешь бороться против этих, своих, как их там... Нет, я не могу, спасите меня, я сейчас лопну от смеха, ха, ха, ха... Они же расправятся с тобой просто так, между прочим, потехи ради, ха, ха, ха...

В это время откуда-то появилась моя кровать. Шайтан уложил меня на нее, как ребенка, продолжая безудержно смеяться. А у меня почему-то то ли от обиды, то ли от злости перед глазами все начало

расплываться и меркнуть. Постепенно во мраке растворился и хохочущий шайтан.

...И вот, разбуженный будильником рано утром, я по привычке, как запрограммированная машина, начал собираться на работу. Дома на меня не обратили никакого внимания. Видно, ловкий шайтан устроил так, что моя отлучка осталась незамеченной. Кто знает, быть может, на Земле оставалась моя тень, которая без труда выполняла мою пассивную роль в жизни.

Я намеренно вышел из дома пораньше, желая дойти до института пешком. Хотелось пройтись по прохладным улицам утреннего города, обратиться с мыслями, обдумать дальнейшие действия.

Все вокруг — в густой нежной зелени. Неповторимо приятный шум только что проснувшегося города. Крепко ухватившись за руки спешащих родителей, шли малыши, с еще не стершимися следами сладкого сна на лицах. Они спешили в детские садики... Меня окружала реальная жизнь. Нет, в «том» городе было много похожего, но вот этого я там не видел...

Какой глупейшей мистической говорильней я занимался с шайтаном! О каких «вмешательствах со стороны» и о каких «кознях», влияющих на дела и судьбы людей, могла идти речь!

Путешествие в преисподнюю — это какой-то кошмар, скомбинированный только лишь из худших черт реальных событий. Быть может, я на время «впал» (в моем состоянии это было немудрено) в одно из параллельных подпространств нашего многоступенчатомногомерного материального мира? Там, говорят, все происходит в несколько искаженном виде, в силу другой метрики моральных норм. И само явление шайтана именно мне, видимо, не случайно. Он мог явиться только к человеку, находящемуся в беспомощном состоянии. К человеку, — уверенному в себе, и самое главное, человеку не одинокому, он не подошел бы на пушечный выстрел.

В одном прав мой проворный компаньон. Причина всех зол кроется здесь, на Земле — в нас самих. Отчаявшись, запутавшись в неприятностях, мы зачастую кидаемся искать ее либо «наверху», либо «внизу». Свое же плавание по течению пытаемся оправдать бесполезностью, бесперспективностью всякой борьбы.

Представляется мне иногда основательный бревенчатый дом в глухой тайге, неизвестно кем построенный, в тысячах километров от людей. Просторная комната, по всем стенам тесные книжные полки,

где собрано лучшее, что когда-либо было написано людьми. Массивные окна, через которые виден безмятежный дремучий лес, своим спокойствием располагающий к работе. Массивный рабочий стол, удобные кресла, электричество (неизвестно от какого источника) и камин (неизвестно кем затапливаемый). Единственное окно в мир людей — телевизор с приемом всех телестанций мира. Я думал, что работал бы в такой обстановке не переставая...

То, что это стало бы бегством, я понял только теперь. Пусть в мыслях, но позорное бегство от жизни, от людей, И от науки. Сейчас было сгдыно за это.

«Ты что, с Луны свалился? — сказали мне в институте при первой же попытке поделиться своими планами о задуманной борьбе.— Не видишь, что делается вокруг? Кто теперь не борется против несправедливости, самоуправства? Идет же всеобщая перестройка».

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в первых рядах этой «борьбы» и «перестройки» встали все те же Алим Акрамович со своей свитой. «А ты как думал? — словно вторя моему шайтану, говорили мне.— Чтобы уцелеть в ходе перестройки, им надо взять ее под контроль, грех упускать такую возможность при их-то умении приспособиться к любому новому веянию. Пойди попробуй доказать, что эта борьба как раз и направлена против них. Вмиг заткнут тебе рот изощренной демагогией, из которой следует, что именно ты и являешься форменным противником перестройки».

А Алим Акрамович тем временем проводит наставительные беседы, упрекая сотрудников, что именно они являются тормозящей силой на пути демократизации жизни института, о которой он, многострадальный, печется с давних пор.

Но самое интересное было впереди. Оказывается, шеф заблаговременно перевел в институт обеспеченного всеми необходимыми титулами того самого племянника Эркина — и теперь повел против него ожесточенную и, главное, демонстративную кампанию травли. Безукоризненно было имитировано опальное положение Эркина, вызывающее сочувствие не только в институте, даже в верхах! Так элегантно была решена проблема наследственной передачи трона-кресла в случае его потери. При таких взаимоотношениях кто вспомнит о родственных связях...

Чтобы не взбунтовался обиженный когда-то Рустам (кто его знает, вдруг решит, что настало его время), его срочно назначили на пост

председателя народного контроля: пусть себе думает, что дали ход его карьере...

Список подобных уже осуществленных и намеченных «перестроек» можно продолжить. Но к чему? Главное — ясно, с чем надо бороться.